

ДИНАР ГАЛИМОВ

ПРЕДЕЛ ЧАНДРЫ

18+

RED. Fiction

Динар Галимов

Предел Чандры

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2021

Галимов Д.

Предел Чандры / Д. Галимов — «Редакция Eksmo Digital (RED)»,
2021 — (RED. Fiction)

ISBN 978-5-04-162259-6

Старая как мир история. Три друга жили в настоящем, прошлом и будущем – может через пять, а может и десять лет. Почему десять? Закон Мура гласит об удвоении количества транзисторов, закон ускоряющейся отдачи Курцвейла – об ускорении скорости прогресса, здравый смысл подсказывает, что невозможно надёжно предугадать будущее, а значит и размышлять о его вариантах совсем не стыдно. Вы не встретите мир летающих машин и роботов, заполонивших улицы нашей жизни, но увидите, к чему может привести дальнейшая интеграция сознания человека с гаджетами и виртуализация пространства вокруг. Люди все больше будут тяготеть к альтернативной реальности, и потому судьбы моих героев неразрывно связаны с Игрой, открывающей ворота в иную жизнь. Незыблемой останется лишь смерть. Но прогресс не пройдёт и мимо неё: изменит старушку, древнюю, как сама жизнь, вынудит адаптироваться к новой действительности. Артур строит судьбу, его одолевают страхи и сомнения, жизнь вносит свои коррективы, заставляя бороться с искушениями виртуальной реальности. Ден, напротив, плывёт по течению, пока река не разбивается о пороги. В сложный момент жизни на помощь приходит старый друг – Эмиль, зодчий цифрового сознания, – и все становится сложнее. Но вместе с тем друзьям открывается новый удивительный мир, название которому Чандра.

ISBN 978-5-04-162259-6

© Галимов Д., 2021

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2021

Содержание

Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Динар Галимов

Предел Чандры

В коллаже на обложке использованы фотографии:

© Rastan, Pitris, ABIDAL / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

Пролог

Артур сидел на скамейке в саду у башни Сент-Жак, созерцая бегущие по небу облака. Он не любил смотреть на небо, но здесь в саду это казалось правильным. Тысячи людей приходили сюда каждый день наслаждаться ароматом растущих в тени башни деревьев, поглядывали наверх и мечтали, вместо того чтобы смотреть вперед и жить здесь и сейчас.

Артур был мечтателем, одним из многих наводнивших сад у подножия башни, окутанной тайной, помнившей Фламель и Паскаля, и, будучи мечтателем, взял в руки томик с рассказами Хемингуэя и принялся лениво читать рассказ за рассказом, не забывая исправно любоваться проплывающими над Парижем облаками. Облака эти были необычной формы, той, что позволяет детям видеть в небе сказочных созданий, а взрослым вспоминать о том, что они когда-то были детьми.

Он поймал на себе чей-то взгляд и с удивлением обнаружил на скамейке напротив человека, которого совсем не ожидал встретить. Старый друг, которого он не видел вживую вот уже больше года, медленно кивнул ему, поднялся и направился прочь из сада. Мир за пределами сада менялся слишком быстро, и потому не было ни малейшего желания его покидать, но любопытство взяло верх, и он решительно направился следом.

Глава 1

Рабочий день завершился. Артур сел в машину и включил погромче радио, шел восьмичасовой выпуск новостей. За сообщением об очередном обострении ситуации на Ближнем Востоке последовал обзор последних технологических открытий. Он собрался было переключить радиостанцию, но речь зашла о достигнутом успехе в создании квантового компьютера и о решении проблемы декогеренции. Артур был слабо знаком с квантовой физикой, и слово «декогеренция» было для него лишь набором букв, но тут диктор с энтузиазмом принялся рассуждать о знаковой для человечества дате 31 октября 2019 года, о появившейся возможности обойти закон Мура и перспективах использования квантовых компьютеров для обработки астрономических данных, моделирования молекул ДНК и контроля над химическими реакциями, вплоть до управления молекулярными и атомными частицами. Диктор закончил новость цветастой фразой о возможностях, которые таит в себе микромир.

Новость заставила задуматься о том, каково будет жить в таком вот новом мире. Управление молекулами открывало невероятные возможности. Возможно, его дети увидят, как вновь зазеленеют континенты, вырастут леса Средиземноморья, возродятся из пепла кедры и пихты Сибири, эвкалиптовые леса Австралии. Тропические джунгли снова укутуют Амазонку.

Дети на этом не остановятся и вырастят райские сады даже там, где многие тысячи лет царили пески Сахары и Аравии. По крайней мере, Артур надеялся, что новое поколение пойдет именно таким путем. Будет ли будущее ярким и полным возможностей для всех? Вопрос риторический. В первую очередь изменения коснутся тех, кто на вершине человеческой пирамиды, сильные станут сильнее, наследники больше не получают наследства. Человек, не любой человек, разумеется, будет сам выбирать, когда ему окунуться в воды Стикса. Исчезнет само понятие «золотой миллиард» – мир будет делиться на тех, кто будет жить если и не вечно, то достаточно долго, чтобы устать от жизни, и тех, кому суждено умереть также, как умирали тысячелетиями наши предки до начала квантовой эпохи.

После короткой паузы по радио продолжился вечерний эфир, проиграла «If today was your last day» группы Nickelback, спел Синатра. После вновь зазвучали бодрые голоса радиоведущих, щедро сыпались пятничные шутки про секс и нестареющих третьекурсниц.

Пейзаж за окном изменился. Сиявшие теплым светом улицы города с яркими неоновыми вывесками сменились сельскими видами, вспаханные поля перемежались небольшими рощицами, неподалеку от дороги начинался густой сосновый бор, последнее пристанище растительного мира, все что осталось от обширного когда-то лесного царства.

Артур и не заметил, как припарковался у супермаркета. Лишь когда двигатель заглох и двери услужливо отворились, он понял, куда приехал. Стоило ему посмотреть на вывеску супермаркета, как завибрировал смартфон, список покупок подоспел как нельзя вовремя. Пропуская девушку с коляской, он бросил взгляд на малыша, укутанного так, словно на улице были все минус двадцать. Его мама, напротив, была одета в коротенькую шубу и облегающие легинсы.

Выбирая йогурт посвежее, Артур думал о том, чем будут заниматься в будущем его дети. Он не был уверен, сколько еще просуществует его профессия. Наверное, придет время, и его любимое дело станет ремеслом. Будет сидеть оператор и контролировать целостность блокчейна или стабильность квантовой системы. Сложно придумать, чем будут заниматься дети, когда не знаешь, сколько еще просуществует твое дело. Он вспомнил, как услышал по радио новость о том, что призовой фонд киберспортивного соревнования превысил гонорары ведущих теннисистов и игроков в гольф. Интересно, каково это – зарабатывать миллионы не тяжким трудом, но играя в игру. Он улыбнулся и подумал, что тем парням родители наверняка не

говорили в детстве, что нельзя добиться успеха, играя в видеоигры. Возможно, и ему не стоит этого говорить своим детям. Хотя дети ведь иногда поступают наперекор родительскому слову.

Когда он приехал к дому, уже стемнело, окружающий лес приобрел загадочные очертания и только зарево далеко на западе говорило о том, что где-то близко город, где люди суетятся, спешат и грызутся за место под солнцем, которого большую часть года в общем-то и не видно.

Он вошел в дом, где его ожидала жена. Она встретила его с огоньком в глазах, живая и энергичная.

– Как прошел день? – спросила она, и он ответил, что день прошел неплохо, не желая вдаваться в подробности хитросплетений корпоративного мира.

– Как прошел твой?

– Занималась фотографией, обрабатывала фото Дена.

– Здорово, у него, кстати, сегодня что-то вроде концерта в одном из клубов. Он нас приглашал.

– И что ты ответил?

– Что мы не сможем, по вечерам мы занимаемся тем, что пытаемся...

– Так и сказал? Знаешь, звучит не очень романтично. Но... мы ведь сегодня продолжим наши попытки?

Они поужинали и поднялись наверх. Он сел на кровати и смотрел на нее. Она была в коротком платье, едва прикрывавшем бедра, волосы падали на плечи. Она сняла платье, оставшись в прозрачном пеньюаре. Он нежно прикусил соски, дразня их своим дыханием, не выдержав, она опустилась перед ним на колени. Затем он вошел в нее, и она застонала, а потом закричала, укрывшись подушкой. После они долго лежали, обнимаясь, без сил.

– Как ты думаешь, у нас получилось?

– Узнаем через пару недель. Спокойной ночи.

Он нежно поцеловал ее в макушку, расслабил мышцы одну за другой и провалился в забытие. Во сне он ехал по ночной трассе, слушал диско и думал. Думал о ребенке и том, в каком мире ему суждено жить, думал о сыне, которого у него не было.

* * *

Ден волновался. Это было не первое его выступление, но никогда еще зал не был настолько забит людьми. Публика собралась разношерстная. Здесь была не только молодежь, слушающая тяжелый рок, но и интеллигенция. А еще ему обещали неплохо заплатить, если, конечно, он и его ребята не залажают разогрев.

Перед публикой он выступал в последний раз много лет назад, еще будучи студентом, находясь в поисках себя. Играл тяжелую музыку, записывался в гаражных студиях, выкладывал записи в соцсеть. Все, кто когда-либо его слышал, сходились на том, что у него потрясающий голос, волшебные пальцы и звучание, но все утыкалось в необходимость промоушена. Будь в нем поменьше лени и побольше эгоизма, или попадись на жизненном пути друг из обеспеченной семьи, со связями и положением в обществе, он бы уже покорял вершины шоу-бизнеса и сердца пятнадцатилетних девушек, готовых тратить все карманные деньги на покупку его альбомов и билеты на концерты. И не только пятнадцатилетних. Ден мог бы гордиться своей внешностью, если бы обращал на нее внимание. Казалось, судьба раздала ему щедрые карты на префлопе, была благосклонна на флопе, обнадежила на терне, и он уже поверил, что получит флэш на ривере, но нет, судьба решила, что дальше он справится без нее.

Он справился, но по-своему, в его жизни была и музыка, и поклонники, и девушки. Но масштабы были не те. И вот сейчас ему выпал шанс. Выйдя на сцену, он приветствовал толпу, толпа загудела и засвистела в ответ. Дрожащей рукой он коснулся струн гитары и кивнул ударнику.

– Начинаем.

Голос его больше не дрожал, с привычной силой он закричал в микрофон.

* * *

Элина восхищенно смотрела на сцену. Она помнила Дена еще со школьной скамьи. Тогда он ей казался взрослым и недостижимо интересным, стремительность его походки, когда он проносился по коридорам гимназии, привлекала внимание. Он был первым учеником, который осмелился сыграть на школьной сцене что-то кроме инструментальной классики или эстрадных песен, которые любили учителя.

Ден выпустился раньше нее, и она не видела его несколько лет, но, увидев, как и раньше в школе, не могла отвести взгляд. Она любила музыку и по вечерам после школы любила оставаться поиграть на фортепиано и частенько слышала, как в каморке играет компания школьных бунтарей. Ден был заводилой и лидером, к нему присоединились Артур, лучший ученик школы, и Нил, в свои шестнадцать уже шеголявший, как он думал, густыми усами. Иногда к ним присоединялся ее брат Эмиль, но нечасто, будучи приверженцем школы рэпа, его участие ограничивалось исполнением текстов Шиоды, когда они играли песни Linkin Park, либо ремонтом и настройкой гитар и усилителей, клавиш. Технику ее брат любил и помог ребятам улучшить качество звука.

Завибрировал смартфон, пришло сообщение от брата в мессенджере: «Элина, сестренка, поздравляю с днем рождения, люблю тебя.

P.S. Скоро мы сможем видеться чаще, я уезжаю из Фриско. Не забывай звонить маме».

Элина грустно улыбнулась и вернулась к компании девушек, вместе с которыми отмечала свой восемнадцатый день рождения.

* * *

Эмиль вошел в салон самолета, ожидающего своей очереди на взлетно-посадочной полосе международного аэропорта Сан-Франциско. Багаж он сдал, из вещей у него был только небольшой рюкзачок. Он занял место у окна, с любопытством ожидая, кто же сядет рядом с ним. Напротив остановилась дородная дама, одетая в шубу. При виде ее у Эмиля зачесалось в носу. Она с шумом принялась запихивать пожитки в багажный отсек. Места не хватило. Часть вещей отправилась в соседние отсеки, что-то ушло под кресла. Пока дама запихивала поклажу, мимо нее изящно проскользнула миловидная девушка с золотыми волосами и тонкой талией. Приветливо улыбнувшись, она заняла место посередине. Дама наконец села, оттеснив девушку к Эмилю. Он поднял свой подлокотник, и девушке стало легче дышать. Она снова ему улыбнулась, на этот раз благодарно. Улыбка у нее была приятная, настолько, что он готов был предложить ей поменяться местами. Зажглось табло «пристегните ремни», торопливо дописав сестренке сообщение с поздравлением, Эмиль представился и попытался завести непринужденную беседу на своем небезупречном английском.

– Меня зовут Эмиль, если вы почувствуете приступ клаустрофобии, скажите, поменяемся местами.

– Очень приятно, Эмиль, я Эйприл.

В «Шарль де Голль» они прилетели уже добрыми друзьями.

* * *

В Пасадене занимался рассвет очередного солнечного дня и ничего не предвещало информационной бури, готовившейся разразиться в стенах лаборатории с вот уже более чем восьмидесятилетней славной историей. Ева налила чашку обжигающего черного кофе и готовилась к сеансу связи с зондом, он не выходил на связь около недели. Это был последний из активных зондов, покинувших Солнечную систему в начале двухтысячных. По протоколу, если зонд в намеченное время не выходил на связь, ему следовало помочь, отправив необходимые команды. Ева включила команды проверки и корректировки направления сигнала, а также проверку и корректировку направления антенны зонда. Включив в сигнал команду вернуться с ответным сообщением, она откинулась в кресле. Сигнал будет идти около 17 часов, столько же обратно. Она посмотрела на время, можно было вздремнуть пару часов до начала рабочего дня.

Разбудил ее неторопливый писк, исходящий от терминала связи, отвечающего за взаимодействие с зондами. Протерев глаза кончиками пальцев, Ева прильнула к мониторам. Не мог же зонд откликнуться так быстро. Глаза ее расширились: сигнал поступал с другой стороны Солнечной системы. Частота сигнала была идентична, значит, это мог быть только его близнец, сигнал с которого не поступал уже несколько месяцев, а значит... Ева торопливо подняла трубку:

– «Вояджер-2» вышел на связь, он передает информацию. Судя по сигналу, фотоснимки и координаты.

Отложив трубку, Ева бросилась обратно к монитору. Передача шла всего со скоростью 200 бит в секунду. В кабинет вбежало двое сотрудников. Не оборачиваясь, она бросила:

– Почему так медленно? Куда поступает сигнал?

– На дежурную антенну космической связи.

– Которую антенну?

– Тридцатиметровую.

– Запросите доступ к семидесятиметровым, мы так будем ждать до конца года, мы потеряем сигнал и большую часть информации.

Через минуту скорость приема выросла до полутора килобайт в секунду. Ева была заинтригована, как правило, прием осуществлялся в течение дня-двух. Теперь же, даже со скоростью в полтора килобайта, оставалось ждать практически месяц.

– Мы можем как-то еще поднять скорость?

– Можно подключить все антенны сети космической связи и крупнейшие радиотелескопы, настроить на необходимую волну, подключить группу спутников. Но для этого необходимо согласование от боссов.

Ева была не робко десятка, но рука ее слегка дрожала, когда она стучала в дверь руководителя лаборатории.

– Войдите, – услышала она негромкий ответ, ее встретила пара пронзительных глаз.

Глава 2

Был обычный пятничный вечер, Артур собирался закрыть ноутбук и ехать домой, когда появилось уведомление о новом письме. Он открыл его, не раздумывая, письмо оказалось приглашением на встречу от их босса, адресованное ему и еще полудюжине опытных консультантов. Артур, поразмыслив, решил, что должно быть в приглашении ошибка, оно было назначено на завтра, на два часа дня, в субботу. Но нет, к письму был комментарий: «Есть возможность поучаствовать в крутом проекте. Если удобно, приходите завтра. Если неудобно тоже приходите, будет весело».

Предвкушая недовольство Дианы, Артур нажал на кнопку «да», и направился в сторону парковки. Письмо заставило его задержаться, и он пропустил время парковки, пришлось переплатить дважды, настроение было безнадежно испорчено. С другой стороны, перед ним открывались неплохие возможности улучшить свое положение в фирме и уменьшить количество ступенек в карьерной лестнице.

Диана, как он и ожидал, не обрадовалась, но и не стала сердиться.

– Я позвоню друзьям, передам, что мы опоздаем, либо не сможем приехать. Жаль, Леонида собираются отправить в командировку, куда-то на базу для подготовки, он прошел первую часть отбора, и скоро должна начаться вторая часть. Кажется, это надолго. И не забудь купить тесты, я думаю завтра уже можно будет сделать.

– Не рановато? Ну хорошо, не забуду. Посмотрим фильм?

Выбор остановился на трилогии о хоббите, ее хватит на все выходные. Они затаив дыхание смотрели, как Гендальф пускает кораблик из дыма, слушали песню гномов, но усталые скоро заснули на сцене, где Бильбо догонял отряд Дубошита. Артур неплохо выспался, утром его ожидали приятные хлопоты, близился Новый год, и по традиции нужно было ехать за праздничным деревом. Ему не нравилась мысль о том, что где-то в лесах гибнут деревья, и он предпочитал покупать те, что выращивают специально на Новый год. В их краях росли только сосны да ели, поэтому он каждый год выбирал пихту. Покупателей в этот утренний час было совсем немного. Выбрав самое пушистое дерево, он поспешил к кассам. Только подойдя к машине, он задумался, а поместится ли она внутрь его седана. С трудом, но пихта поместилась вся. Забежав в аптеку, он поспешил домой, предвкушая реакцию Дианы. Он не стал сразу же заносить дерево в дом, в тепло, давая ему возможность подышать.

– Ну как, купил?

– Да, оно снаружи, дышит.

– Да не дерево, тест?

– Купил, сделаешь сейчас или вечером?

– А у тебя есть время?

– Нет, но я все равно собирался забежать в душ, успеешь.

Когда он вышел из душа, Диана расстроенная протянула ему тест с одной полоской.

– Не расстраивайся, любимая, завтра куплю еще один.

Надев свой лучший костюм, он поспешил на работу. Возле подъезда стояло несколько грузовиков, начинался переезд в новый офис с новой концепцией. Какая она будет, никто не знал, но все предвкушали что-то необычное. Его отдел должен был переехать в последнюю очередь, уже в следующем году, а потому Артур пока не задумывался о том, каким он будет, его вполне устраивал и старый офис.

Войдя в конференц-зал, он почувствовал, что встреча будет неформальной. На столах стояло шампанское и пиво. Досадно, что он на машине. Ничего, когда-нибудь автопилоты доберутся и до их окраины цивилизации.

Его босс, Дэнис, пребывал в отличном расположении духа, если судить по развязанной уже бабочке. На экране транслировались конференц-залы с еще дюжины офисов по всему миру. Он узнал офисы в Нью-Йорке и Лондоне. И везде царило самое праздничное настроение, разливали по бокалам шампанское. Когда на экране начала вырастать внушительная фигура, Дэнис постучал ложкой по бокалу:

– Внимание, слово Нику и его команде.

Ник широко улыбнулся, довольный и розовощекий.

– Всем привет, рад всех видеть. Сегодня исторический день, мы выиграли самый крупный контракт не за год, и даже не за десятилетие, а в двадцать первом веке. И это заслуга всех тех, кто трудился с нами бок о бок последние три месяца. Ура!

Ник поднял бокал, салютуя присутствующим. Зрители ответили нестройным «ура!» и жидкими аплодисментами, после чего Ник отключился. Дэнис продолжал хлопать, пока связь не прервалась.

– Большие деньги, большая ответственность. Я почти уверен, что в конце мы отгребем, но давайте отгребем достойно. Проект настолько большой, что будут работать объединенные команды из тридцати семи офисов Северной Америки, Европы и Китая. Задача – не залагать нашу часть. В ближайший год собравшиеся будут работать только над ним, мы сняли все ваши текущие задания.

Думаю, все вы хотите узнать подробнее о проекте. Прежде чем я начну, возьмите, пожалуйста, каждый по заполненному комплекту бланков, внимательно прочтите и, если нет возражений, подпишите ручкой строго как в паспорте, можете потренироваться, чтобы рука не дрогнула. Те из вас, кто не согласен, могут покинуть зал, обещаю, что не будет проблем и последствий для карьеры.

Артур взглянул на бумаги. Соглашение о конфиденциальности, бланки допуска к государственной тайне, должностная инструкция и краткая памятка с последствиями нарушений, которая в основном содержала ссылки и вырезки из статей уголовного кодекса. Руки задрожали. Что же это за проект такой, с подобным уровнем секретности Артур не то чтобы не сталкивался или не слышал, даже представить себе его не мог.

Артур огляделся по сторонам. Кто-то сосредоточенно изучал бумаги, кто-то не менее сосредоточенно, чуть ли не высунув язык, рисовал подпись. Одна только Элла, робко отпустив бумаги, тихонько подвинулась в сторону выхода. Чуть позже к ней присоединилась Вики. Остальные остались ждать дальнейших инструкций. Артур уловил, как ассистент отметила выбывших, простая формальность, но все же. Он иначе воспринял слова босса о том, что отказ не повлияет на карьеру. Не повлияет означает упущенную возможность. Упускать Артур не хотел, а потому решительно поставил подписи.

– К делу. Будем считать, что торжественная часть завершилась, займемся бизнесом. Все подписали? Отлично. Тим, прикрой, пожалуйста, дверь, всем – переведите телефоны в авиарежим, Юджин, включи глушилку.

Проект, который выиграла фирма, вам может показаться необычным, даже странным, те документы, что вы получите для анализа они, во-первых, под грифом секретно, а во-вторых, проект про социальное управление. В чем именно заключается проект, я вам не расскажу, подробности узнаете сами. Но я хотел бы остановиться на этической стороне, чтобы у вас было понимание, для чего мы это делаем, в чем польза для общества и почему он соответствует нашим принципам и нашей миссии.

Недавно ученые из университета Аризоны опубликовали статью, где сделали вывод о невозможности вечной жизни человеческого организма по причине конфликта интересов между клетками. Внимание, вопрос: что такое старение организма?

Артур ответил первым.

– Старение клеток.

– Берите пример с Артура, чувак читает. Да, клетки стареют, человек стареет. Вы спросите меня, почему старые клетки не умирают, не дают дороги молодым. И я отвечу, что, если позволить молодым клеткам бороться и вытеснять старых, организм в конечном счете погибнет от рака. Того из вас, кто сможет провести достойную параллель между человеком и человечеством, я угощу ужином либо получите от меня бутылку вина или боценок пива.

Артур оглянулся по сторонам, коллеги в основном отводили глаза либо сосредоточенно изучали содержимое бокалов.

– В современном обществе происходит примерно то же самое. Старики стареют медленно, все больше пенсионеров на работающих. Молодежь сидит без работы. Нарушен естественный отбор.

– Именно. Но при этом наша цивилизация, в отличие от всех других, жива, развивается и процветает. Старение – это цена, которую мы платим за прогресс. Но как общество на протяжении своей истории компенсировало нарушенный естественный отбор?

– Выплескивало энергию, – послышался голос из зала.

– Формулировка так себе. Но суть уловил верно. Бесконечные войны сокращали молодое мужское население. С одной стороны, войны были следствием разрушенного естественного отбора, а с другой – выходом из ситуации в масштабах человечества.

– Правильно ли я понимаю, что проводится параллель между человеком и клеткой?

– Да, такая параллель имеет место быть. Войны были трагедией в масштабах человеческой жизни, жизни семей, целых стран, но не для человечества в целом. И чем быстрее росла численность человечества, тем более кровопролитными становились войны. А теперь кто из вас скажет, а в чем, собственно, проблема?

– Не работает механизм компенсации естественного отбора, – Артур не обрадовался пришедшей в голову мысли и озвучил ее, не успев толком обдумать.

– Бинго. Без компенсации мы можем столкнуться а) с механизмом вечно нарушенного отбора, б) что значительно хуже, с чем-то, что будет похоже на рак в масштабах человечества. Скажу так, пока наш заказчик концентрируется на проблеме а. Проблемой б пока занимаются ученые. Там мы тоже будем претендовать на свой кусок хлеба, но лет через десять, не раньше.

– Каким образом? – все тот же голос из зала.

– Через социальное управление. В век пуританства и псевдогуманизма другого выхода у нас нет. А теперь, кто из вас играл в компьютерные игры?

Большинство присутствующих подняли руки.

– Как вы думаете, почему, почему человечество так отчаянно стремится проводить время не в настоящем, но виртуальном пространстве?

Откуда-то позади послышался сдавленный голос:

– Потому что мир игры простой и первобытный, а жизнь становится сложнее с каждым годом, и человек подсознательно хочет вернуться к той простоте, что была когда-то. В мир сказок. И наоборот, порой он может предложить куда больше, чем скучная и унылая повседневность.

Ответ был сказан едва ли не шепотом, но Дэнис услышал и согласно кивнул.

– Ок, а кто не играл?

Несколько девушек робко подняли руки.

– Мы все, общество в целом в скором времени станем целевой аудиторией социального эксперимента. Те из вас, кто никогда не играл, имеют шансы его избежать, остальные вряд ли. С учетом развития технологий открывается возможность направить энергию молодежи, а эта категория скоро начнет включать в себя лиц едва ли не до сорока лет, из мира реального в мир виртуальный. Казалось бы, сублимация в чистом виде, но если ей будут заниматься все, твои коллеги, твои друзья и соседи, твои одноклассники, то какая разница, что мир виртуальный. Он станет даже более реальным, чем настоящий, потому что общество будет жить там.

И тут приходим мы и говорим: мы проверили ваши расчеты, в ваших расчетах есть пара ошибок. На самом деле вам понадобится столько-то денег, и вы в итоге получите столько-то обратно в течение n периода. Стоимость эксперимента, то есть инвестиция в эксперимент будет стоить столько-то. Решайте, быть эксперименту или не быть. Наша задача – найти нестыковки и предлагать варианты.

– Можно вопрос? Где гарантии, что люди уйдут покорять виртуальный мир?

– Гарантий нет, но, зная человека, можно заключить, что он выберет, где проще и красивей картинка. Жизнь сложнее от года к году, а наш мозг формировался миллионы лет и не поспевает за скоростью изменений. И потому многих потянет туда, в уютное прошлое. Остальное поймете сами. Признаюсь, у меня у самого руки чешутся поиграть. А теперь моя любимая часть. Вопросы есть? Тогда до встречи в понедельник утром, разобьетесь на группы. Коллеги менеджеры, попрошу вас остаться, обсудим, нужно будет подготовить к утру понедельника график и распределение заданий. Артур, пришли сообщением, что предпочитаешь, на этом всем пока, спасибо, что пришли!

Артур сел в машину, припаркованную у офиса, и покатил в сторону дома. Ну и что ему сказать Диане, встреча о том, не знаю о чем под грифом секретно. По радио снова были новости. Он переключил на Linkin Park и надавил на газ до упора, громко выкрикивая «I bleed it out».

* * *

Эмиль неторопливо прошел внутрь и уселся на скамейке закрытой кабинки на колесе обозрения у Тюильри. Его собеседник занял место напротив и неторопливо пристегнулся. Они встретились у Нотр-Дама и хранили молчание до садов, где он позволил себе завести светскую беседу. Но стоило двери кабинки закрыться за ними, он заговорил быстро, сухо и по-деловому.

– Мой дорогой Эмиль, я понимаю, что вы сейчас заняты, но это отличная возможность для нетворкинга с представителями Еврокомиссии. Для вашего проекта необходимы ресурсы. Вы не только обратите внимание на возможности в части синхронизации сознания, но сможете подтвердить компетенции вашей команды. Вам необходимо доверие, это позволило бы найти как инвесторов, так и заказчиков.

– Мой дорогой доктор Романов. Вы не хуже меня знаете, что успех этого начинания не только сомнителен, но и может оказаться губителен для целого поколения молодых людей. Я ознакомился с проектом, это негуманно...

– Негуманно проливать кровь. Все, чего мы хотим, дать возможность познать вкус лучшей жизни.

– Так дайте. Оставьте коммерческую часть. Пусть играют те, кто сможет себе позволить. Не вынося в массы. И что именно вы хотите от меня? Я слышал неоднократно, что вам необходима синхронизация между сознанием и Игрой, и при этом сознанием не бодрствующим, но спящим. А сон – это вовсе не моя специализация. Синхронизация между игрой и спящим сознанием с одной стороны и активным сознанием с другой, вы хотите, чтобы люди играли, не бодрствуя, а во сне, превращаясь в овощи? Что об этом думают сомнологи, интересно?

– Таким образом мы избавим их от необходимости рисковать работой, жертвовать семьей, друзьями.

– Ага, и чтобы выходные они проводили в постелях, словно немощные старики, а не на улице.

– Каждый волен выбирать сам. Какая разница, проводит ли он время в VR-костюме, скрючившись, глядя на виртуальный экран, или высыпается. Сон полезен. Не нужно искать скрытых смыслов. Мы правда хотим дать возможности, которых еще не было, как людям, так и ученым. Буду откровенен. Когда вас приглашали в Сорбонну, предоставляли грант на иссле-

дования, согласовывали вопросы этики с надзорными органами, мы рассчитывали на большую сговорчивость. Мой дорогой Эмиль, большинство ваших коллег-ученых ответили согласием.

– Доктор Романов, мне правда очень лестно, что вы проявляете столь высокий интерес ко мне и моим способностям. Но раз уж мы заговорили о моих коллегам-ученым, я слышал, что вы также пригласили команду профессора Бенедикта. Можно откровенно, в чем будет заключаться его роль?

– Ничего особенного, его привлекли дизайнеры для разработки технической начинки. Вы ведь знаете, для софта планируется использовать квантовые компьютеры.

– Теперь знаю. Но вот в чем дело, профессор Бенедикт глубокий теоретик, посвятивший карьеру, жизнь изучению квантовой запутанности. Зачем вам она в Игре? О чем вы умалчиваете, мой дорогой доктор Романов?

Доктор посмотрел в окно, колесо завершало оборот.

– Эмиль, вы умный молодой человек. Подумайте о нашем предложении. На следующей неделе я планирую посетить Будапешт. Буду ожидать вас в субботу в полдень на площади Элизабет, вы легко там меня найдете. Приезжайте, угощу вас штруделем.

* * *

– У меня кружится голова, померил пульс, а там двести двадцать на сто двадцать.

– Вы уверены?

– Да, уверен.

– Что еще вас беспокоит?

– Боль в груди, и рука словно отнимается, на гитаре не могу играть.

– Адрес?

– Улица Космонавтов, дом 4, квартира 12. Поспешите, пожалуйста, мне нужно начинать репетировать, у меня завтра концерт.

– Вызов приняли, будут минут через двадцать, может, быстрее. Вы сейчас один?

– Да, один.

– Хорошо, трубку не кладите. У вас есть аспирин и нитроглицерин?

– Да, думаю, да, посмотрю в аптечке.

– Тогда, пока ожидаете, откройте, пожалуйста, входную дверь, затем примите аспирин, после нитроглицерина. Возьмите с собой еще таблетку нитроглицерина и стакан воды. Примите полусидячее положение и подложите под голову подушку. Через десять минут, если боль не пройдет, примите еще одну таблетку. Когда все сделаете, скажите мне.

Ден сделал, как было велено, хотя и не понял, зачем нужно заранее открывать дверь, еще успеется. Когда он вернулся к своему любимому креслу со стаканом и таблеткой в руке, с него тек пот, лоб покрылся испариной. Странно, в квартире не было жарко. Он хотел было открыть окно, но передумал.

– Все сделал.

– Как себя чувствуете?

– Паршиво. Через сколько, говорите, они будут?

– Минут через пятнадцать, может, раньше.

– Хорошо, спасибо, я обычно стараюсь не беспокоить врачей почем зря, но мне правда нужно обезболивающее, у меня завтра концерт и... – Ден начал задыхаться.

– Постарайтесь сохранять спокойствие. Боюсь, что на концерте завтра вас не будет. Предупредите близких, вас сейчас скорее всего отвезут в центральную клиническую больницу. Я отключаюсь. Будьте в сознании и позвоните кому-нибудь из друзей или близких.

В телефоне раздались гудки. Ден посмотрел на часы. Еще двенадцать минут. Как это не будет на концерте, какая клиника? Держа телефон в одной руке, он начал набирать лучшего друга.

– Дружище, привет! Как дела? Все еще на работе?

На другом конце послышался усталый голос.

– Да, понимаю. Слушай, такое дело, мне стало нехорошо, давление зашкаливает, в общем, я вызвал скорую. Хотел предупредить, чтобы меня не потеряли. Возможно, меня направят в центральную клиническую... Нет, родителям пока не звонил, надеюсь, не понадобится, не хотел их напрасно беспокоить, они перепугаются и приедут, а путь неблизкий.

Ден, устав говорить, замолчал. Голос на другом конце стал обеспокоенным.

– Нет, все нормально, я напишу тебе, как будет ясность. Большой от меня привет Диане, – и положил трубку.

Как же это некстати. А все так хорошо начиналось. После первого выступления последовало второе, третье. Затем одна за другой шумные тусовки и интересные знакомства, а потом еще лучше, он купил новую гитару и теперь репетировал как безумный, привыкая к свежим струнам и звучанию. Машинально он потянулся к сигаретам и уже готовился прикурить, но передумал. Что бы с ним сейчас ни происходило, едва ли сигарета поможет. Оттолкнув пачку подальше, он откинулся в кресле. Боль все не прекращалась, памятуя инструкцию, он выпил вторую таблетку нитроглицерина.

Написать – не написать. Была не была, вдруг его отпустят, он решил не предупреждать организаторов. Пережив очередной приступ боли, он поднялся и накинул куртку, положил ключи, паспорт и телефон в карман и уже собрался выходить, когда голова закружилась, потеряв равновесие, Ден прислонился к стене, медленно сполз на пол. Из коридора послышались голоса, в квартиру вошли двое или трое, в глазах потемнело, он не смог различить, рядом кто-то сочно выругался. Его подняли и сразу же положили обратно. Кто-то распахнул рубашку, к груди приложили прохладное. Дальше все было как в тумане, он помнил только выкрики «вколи тромболитиков», и что-то связанное с «ангиопластикой».

Проснулся он в прохладной комнате на скрипучей кровати. В окно падал лунный свет, сквозило, он заметил тонкую щелочку над окном. В груди по-прежнему горело огнем, но рука слушалась. Он лежал, тупо уставившись в потолок, пока дверь не отворилась, в комнату вошла девушка в белом халате, видимо, доктор, и кто-то еще, включился свет. Он попытался привстать в кровати, не получилось. Чья-то рука мягко, но сильно опустилась на правое плечо, властный равнодушный голос произнес:

– Лежите спокойно.

Доктор померила пульс, послушала сердечный ритм.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Курите?

– Да.

– Сколько пачек в день?

– Одну.

– А если точнее?

– Бывает, что могу выкурить две, но нечасто.

– Алкоголь?

– Тоже бывает, как правило, виски.

– Питаетесь как?

– Нормально питаюсь.

– Чем?

– Бургеры, могу мясо пожарить, когда время есть, макароны, лапша, что угодно.

– А на сон время есть? Сколько часов в день спите?

– Около шести, может, семь, иногда высыпаюсь, сплю до обеда.

– Подытожим. Представьте себе, у вас есть друг, который много курит, мало спит, пьет, плохо питается. Ведет малоподвижный образ жизни, в котором есть место стрессу. Однажды у него закололо в боку, он терпел боль, через сутки скончался. Как вы думаете, от чего?

Ден плохо понимал, чего она от него хочет, но ответил не раздумывая.

– От сердечного приступа?

– Верно. Мне очень жаль, но вы и есть тот самый ваш друг. У вас поражено пятьдесят процентов миокарда. Тромболитики помогли, но, если хотите жить, вам необходимо будет многое поменять в вашем образе жизни.

– Да, и что же?

– Все, – она обернулась. – Вы слышали?

– Да.

Из-за ее спины появился Артур. Лицо друга было белое как воск, словно он увидел покойника.

– Я не могу заставить вас измениться, Ден. И вы, Артур, не сможете, но в нужный момент напомните ему об этом дне. Мой вам совет, побудьте здесь подольше, не торопитесь вернуться. Что касается вас, Артур, боюсь, что вы не сможете сегодня остаться здесь, вашему другу необходим покой.

Когда они вышли в коридор, доктор проникновенно коснулась его предплечья.

– Статистика – штука упрямая. Если он продержится хотя бы год, пройдет реабилитацию, у него появится шанс, небольшой, но шанс на полноценную жизнь. Если нет... нужно приглядывать за ним. У него есть жена, родители?

– Нет, он холост, что до родителей, они уже глубокие старики, новость о том, что у их сына случился инфаркт, негативно скажется на их здоровье. Он, знаете ли, у них единственный. Я присмотрю за ним.

* * *

Эмиль шел по проспекту Андраши в сторону площади Элизабет. Он позавтракал клубнично-шоколадным штруделем у Хьюго на углу улиц Кертеша и Веселенной и пребывал в хорошем расположении духа. Было рано, усевшись в трамвай, он испытал соблазн все отменить, проехать дальше до городского парка и, может, посетить купальни, но, подумав, вышел на проспекте и бодро зашагал в сторону Дуная, здорово было пройтись пешком по старым добрым улочкам, заглянуть в базилику святого Иштвана.

Город был полон туристов, заполонивших в это ясное субботнее утро улицы имперского Будапешта. Пройдя с пару сотен шагов, он, разочарованный, остановился, здание оперы было занавешено, видимо, его закрыли на реконструкцию. Пожурив себя за недальновидность, Эмиль задумался о планах на вечер, теперь, кажется, у него не оставалось вариантов, кроме как отправиться в купальни.

Базилика встретила его величественным фасадом, окруженным массивными колокольнями. Стены ее из светлого камня приводили в трепет, но иного рода, чем другие могучие соборы старушки Европы. Чувство было теплым, не похожим на суеверный страх, внушаемый мрачными стенами из темного камня и мистическими горгульями. Он несколько раз обошел собор снаружи, любясь куполом, возвышающимся над нефом.

Между тем время близилось к половине двенадцатого, пообещав себе заглянуть в базилику на обратном пути, он направился к площади. Романов не сказал ему, где именно будет его ожидать, но, уже подходя, Эмиль понял, куда нужно идти. На противоположной стороне площади весело отмеряло круг за кругом колесо обозрения.

– Вот ведь псих, заставил меня два часа лететь на самолете, чтобы покатасть на очередном колесе обозрения.

Когда он подошел поближе, его степенно взял под руку солидного вида седовласый джентльмен в бордовом в светлую клетку пальто.

– Месье Эмиль?

– Да, с кем имею честь?

– Меня зовут Канеис. Я коллега доктора Романова. Он попросил встретить вас и передать, что доктор будет ожидать в пятнадцатой кабинке начиная с пятнадцатой спицы.

Эмиль в ответ лишь хмыкнул. Он попробовал было вычислить, какая именно кабинка ему нужна, но спиц оказалось всего четырнадцать. Когда он возмущенно повернулся к новому знакомому, рядом его уже не было. Конструкция у колеса была максимально простой и симметричной, обод крепился к основанию с помощью четырнадцати спиц, кабинки, в свою очередь, крепились к ободу. Подумав, что это, должно быть, глупая шутка, он подошел к колесу вплотную и начал внимательно изучать кабинку за кабинкой. Ему не составило труда обнаружить доктора Романова, тот с видом заядлого туриста делал фото за фото, глядя по сторонам.

Оплатив прокат, Эмиль встал в очередь, десять минут и доктор гостеприимно распахнул перед ним двери.

– Мой дорогой Эмиль, как я рад вас видеть. Признаюсь, я уже начал беспокоиться, что вы не придете. Я, конечно, знал, что вы купили билет до Ференца Листа, но все же, молодой человек... вы заставили меня поволноваться. Садитесь, садитесь же.

В этот раз с ним и в помине не было той строгой деловитости. Предвкушая его согласие, доктор расслабился и напоминал сердобольного бездетного дядюшку, встречающего самого любимого из своих многочисленных племянников.

– Рад вас видеть, доктор Романов. Я нашел бы вас раньше, будь ваш помощник менее горазд на нелепые шутки.

– Помощник? О ком вы говорите, мой дорогой Эмиль, я приехал в Будапешт совершенно инкогнито, едва ли не на попутках.

– Мой милый доктор Романов, я говорю о человеке по имени Канеис, которого вы прислали на площадь встретить меня.

Услышав это имя, доктор побледнел. Взяв в руки фотоаппарат, он максимально увеличил масштаб и начал пристально вглядываться в толпу под ними, изучая лицо за лицом. Следующие пять минут они провели в тишине, пока он наконец разочарованный не убрал камеру.

– Мой дорогой Эмиль, вы, конечно, знаете греческий язык?

– Весьма смутно, признаюсь, я больше специалист по латыни.

– Не думайте, что я не способен распознать сарказм, молодой человек. Он здесь совершенно не уместен. Канеис по-гречески означает «никто».

Эмиль лишь пожал плечами. Он не понимал, что так встревожило старика.

– Стало быть, вы согласны присоединиться к нашей команде?

– Согласен, но...

– Так согласны или нет?

– Согласен.

– Великолепно. В таком случае вот ваше приглашительное на конференцию молодых ученых в Барселоне. Конференция состоится через месяц. Ваш номер а354. Не записывайте его, запомните. В приглашительном будет информация о материалах конференции. Как следует подготовьтесь. Если вдруг я не смогу ее посетить, успехов вам в ваших начинаниях, Эмиль.

Доктор стремительно выскочил из кабинки и погрузился в самую гущу толпы. Изысканное бежевое пальто и шляпа позволяли легко распознать его в толпе, но через мгновение Эмиль их потерял, а когда нашел, они были надеты на совершенно другого джентльмена. Джентльмен

этот вышел из толпы и поспешил к Дунаю. Возможно, Эмилю показалось, но следом за ним шли двое, и один из них был в бордовом пальто.

Колесо закончило очередной оборот, и Эмиль поспешил наружу. Он шел сквозь площадь, все время оглядываясь по сторонам, но за ним, кажется, никто не следил. Разыгралось у него воображение или нет, но он поспешил в базилику. Приглашение было изысканным на вид, но деталей не содержало, кроме разве что названия сайта. Запомнив его, Эмиль аккуратно оторвал кусочек и сжег его от одной из свечей. Дождавшись, когда пламя охватит его полностью, он вышел из базилики и поспешил в метро, затерявшись в толпе туристов, желая только одного, погрузить напряженное тело в горячие воды Сечени.

* * *

Чайник наконец вскипел. Артур раздраженно смотрел на коллег, также, как и он проводящих вечер пятницы на кухне, пытаюсь понять, кто из них опустошил чайник и не удосужился налить свежую воду, отняв у него тем самым драгоценное время. Никто не признавался, а потому он смотрел с яростью на всех сразу. Шел уже второй месяц работы без выходных. Денег на счете становилось все больше, но раздражительность его росла заметно быстрее, казалось, что едва ли не в геометрической прогрессии.

Коллеги в этом, безусловно, не были виноваты, никто не был, но время, проведенное вдали от Дианы, его угнетало. На кухню вошел Дэнис, такой же усталый, он успел за прошедший месяц отпустить бороду и теперь выглядел также по-хипстерски, как и его подчиненные.

– Ну, как успехи?

– Паршиво. Умеренно паршиво. Выглядит так, что им понадобится в полтора раза больше кэша на обустройство площадки и подземные работы, и на тридцать процентов на строительство поддерживающей инфраструктуры. Зачем им вообще газовые электростанции, если они вовсю проектируют термоядерный реактор далеко не самой малой мощности. И они совершенно не учли дополнительные расходы по размещению на глубине свыше трехсот метров...

– Тише, тише, я понял твою мысль. И мне понятно твое негодование, но давай побережем его до вечера субботы, ладно? Я отправил приглашение на обсуждение статуса, там и обсудим.

– Не видел его.

– Я только что отправил. Слушай, я думаю мы обсудим с менеджерами, если статус будет хороший, всем будет лучше отдохнуть в воскресенье, это пойдет на пользу.

Дэнис умел мотивировать. При мысли о том, что можно будет денек отдохнуть, Артур прекратил сверлить взглядом коллег и вернулся к ноутбуку. У него было несколько новых сообщений, в основном от клиента, но были и от Дианы, и от Дена. Диана писала что-то о том, что, возможно, у нее будет для него сюрприз. Ден спрашивал, заглянет ли он сегодня проведать его. Ехать к Дену означало приехать домой на сорок-пятьдесят минут позже, но Артур скрепя сердце согласился.

Он сосредоточенно уставился на экран ноутбука, перед его глазами побежали цифры и формулы. Когда он смотрел на них, представлял себе то, что стоит за этими цифрами – гигантских размеров подземный город, полный железа. Футуристического вида картинки с бесконечными лабиринтами из серверов проплывали перед глазами. И сердце города – сверкающий светом первого дня творения термоядерный реактор с температурой в сто пятьдесят миллионов кельвинов. Всего месяц назад спроси его кто, Артур уверенно сказал бы, что это все сказки, но не теперь, когда перед ним бежали цифры смет и бюджетов.

Его задача была простая – проверить математическую аккуратность расчетов, но то, что на словах звучало просто, на практике оказалось жуткой головной болью и загубленным зрением. Один только бюджет на разработку усовершенствованного токамака ВЕТА оценивался в порядка семнадцати миллиардов долларов, а для того, чтобы он стабильно работал, нужно

было построить еще несколько электрических газотурбинных установок стоимостью в двести миллионов долларов каждая. И так было, пока Артур и его коллеги не стали проверять расчеты. Файлы со сметами занимали тома, и им понадобилось больше месяца, чтобы продраться через расчеты по одному только реактору, и за это время стоимость его выросла на два миллиарда долларов в текущих ценах, используя прогнозные котировки, они увеличили стоимость до двадцати трех.

Завершив третий том, он поспешил к выходу. Статус подготовит завтра, и у него, возможно, будет еще месяц на том четвертый. Том номер четыре его смущал, он не знал, что в нем, но его напрягал тот факт, что он миновал через несколько сторонних адресов, а исходное письмо было отправлено с электронной почты сотрудника NASA. Выезжая, он написал Дену, Ден ответил мгновенно.

Артур застал его с бутылкой пива и сигаретой между зубов. Пиво было безалкогольным, сигарета потушена, но очевидно, что друг его сопротивлялся изо всех сил и силы были на исходе. На столе лежала початая упаковка аспирина, гитара прислонена к креслу.

Он поднялся, схватив его в неловкие медвежьи объятия, попытался приподнять, как обычно, но не смог и уселся в излюбленное кресло, кивнув в направлении гитары.

– В руке такая слабость, не могу играть. Петть еще худо-бедно получается минут десять, но потом грудная клетка начинает стонать. Еще нет тридцати, а уже превратился в овощ. Как ты? Как семья?

– Неплохо. Сегодня еще не видел, и завтра, возможно, не увижу.

– Допоздна на работе?

– Точно. Я смотрю, ты держишься?

– Да, рука каждые две минуты тянется за зажигалкой, но я вылил из нее весь газ, а спичек дома нет, так что я пока в безопасности, пью аспирин, отдыхаю.

– Тебе бы уехать из города на пару недель?

– Нет, дружище, пока нет, я сейчас на волне, пропаду на месяц, да хоть на несколько недель, и все сразу же забудут. Наберусь пару дней сил и обратно на сцену. А вот тусовок буду избегать. Не переживай, я же не идиот. Можешь передать доктору, что у меня все под контролем.

– Передам, славно, что ты держишься, дружище. Хотя бы на одном фронте все спокойно.

– Расскажешь?

– В другой раз. Надо ехать.

– Диане привет.

– Передам, доброй ночи.

– Доброй.

Стоило другу выйти, как рука Дена сама собой потянулась к зажигалке. Он играл с ней без особой надежды, когда вдруг появился тонкий фитилек. Дрожащей рукой он прикурив сигарету, с наслаждением затянувшись полной грудью.

* * *

Эмиль был полон сомнений, когда они садились на поезд до «Шарль де Голля». Когда садились в самолет, сомнений у него было еще больше. Он заглянул на сайт, представленный на презентации с детальным описанием Игры, и даже он, ученый, программист и в чем-то нейробиолог не до конца разобрался в сути предлагаемых решений. С самой встречи в Будапеште он не видел доктора Романова и даже не слышал о нем. А еще его беспокоила Эйприл. В последнее время ее стали мучить головные боли, и он не успел как следует разобраться в их причине, но очень надеялся, что причина не в его попытках вживить ей электроды. Единственное, что его

радовало, так это то, что в Барселоне им будет хорошо, они смогут позагорать и прогуляться под теплым солнышком, а еще колеса обозрения там с открытыми кабинками.

* * *

Ева постучалась и, не дождавшись разрешения, ворвалась внутрь. В руках ее были стопки фотографий, еще горячих, только из принтера. Под мышкой она несла карту звездного неба, последний раз она использовала такую на первом году стажировки, но координаты, передаваемые зондом, были предназначены именно для таких вот допотопных карт.

– Ева, что происходит? – директор, казалось, опешил от ее стремительного появления.

– Мы закончили прием сообщений от зонда, сэр, и начали интерпретацию. В основном это фотографии, тысячи фотографий, но есть и несколько видео. Массив данных просто потрясает, должно быть, он начал передавать данные месяцы назад, и, судя по сигналу, он не успел передать все, связь оборвалась.

– Месяцы? Он не может быть дальше 20 часов от нас?

– И мы так думали, сэр.

Он посмотрел на фотографии в ее руке.

– И что там?

– Гораздо важнее, не что там, а где это.

Она стремительно развернула карту прямо у него на столе.

– Мы думали, что он должен быть где-то здесь. Сигнал пропал почти год назад, в нескольких световых часах от гелиосферы. Однако мы получили координаты, согласно которым зонд находится на расстоянии трех световых лет.

– Немыслимо.

– И мы так решили, но потом открыли фотографии, первую партию из полученных. Попросили помощи у коллег из Роскосмоса, ошибок в интерпретации быть не может, их антенны получили фрагменты тех же данных, что и наши. Так вот, на этих фотографиях звезда и планета, которых нет ни на одной из наших карт.

– Нет, это ошибка, наши телескопы увидели бы их, на таком расстоянии звезда должна быть видна невооруженным глазом. Ее бы открыли задолго до нас, еще Галилей, если не Коперник.

– Сэр, эти звезда и планета они не одни в своей Солнечной системе.

– Что значит не одни? Ева, довольно говорить загадками.

– Звезда и планета находятся на убывающей орбите нейтронной звезды, сэр. И возможно, именно по этой причине их нет ни на одной из наших карт. Вероятно, горизонт событий проходит так, что мы не видим звезды и большей части излучения. Они призрак для всего существующего за пределами системы нейтронной звезды.

– Ева, это исключено, мы бы засекли нейтронную звезду в трех-четыре световых годах от нас.

– Сэр, мы пока только обучаем наши телескопы распознавать и выдавать изображения черных дыр. В той области еще в конце шестидесятых было отмечено светящееся облако раскаленного газа, мы не думали, что это могла быть корона... Что касается расчетного способа, сэр, посмотрите на снимки. Эта нейтронная звезда не является сверхмассивной, если верить снимкам, ее можно классифицировать как «пропеллер», вы не хуже меня знаете, что нейтронные звезды подобного типа не наблюдаемы и плохо изучены.

– Однако она поймала в свою орбиту звезду?

– Небольшую звезду размерами меньше нашего Солнца, да, но при этом не разорвала ее, лишь сместила орбиту, звезда рано или поздно приблизится к горизонту событий и будет

поглощена, но в масштабах того, что мы наблюдали, нейтронная звезда может и не вызывать значительных помех в траектории движения света или отклонений в расчетах.

Наконец он потянулся за снимками. Ева торопливо разложила их на столе, показывая и комментируя один за другим, пока наконец не закончились фотографии звезд. За ними следовали фотографии планеты, то, что заставило Еву стремглав помчаться к боссу. Глаза его расширились от гнева.

– Что это, фотошоп? Что за идиотские шутки?

– Сэр, нет, это не фотошоп. Такие же данные получили не только мы. Роскосмос считал сигнал, ESA наверняка подтвердит вам их аутентичность. Вы можете связаться с их начальством, наверняка они сейчас также недоверчиво смотрят на своих подчиненных, – закончила Ева с вызовом.

Кажется, это охладило его пыл. Он сел в кресле и принялся внимательно изучать данные фотоснимков.

– Как много материала мы получили?

– Гигабайты, мы даже не знали, что это возможно.

– Сколько времени нам понадобится на обработку и интерпретацию?

– Прием почти завершен, сутки, может, двое, не больше.

Босс поднял трубку и что-то неразборчиво проворчал в нее. Пальцы торопливо застучали по архаичного вида клавиатуре. Старая школа. Посмотрел на механические часы, затем поднял взгляд на Еву.

– У тебя тридцать шесть часов. На тридцать седьмой я буду ждать тебя в аэропорту.

– В аэропорту, сэр?

– Да, нас ожидают в NASA, мы летим в Вашингтон.

Глава 3

Артур ехал домой, слушал свое любимое радио «Серебряный дождь», прогуливаясь параллельно по аллее воспоминаний. Очередное 31 октября. Технологии после преодоления закона Мура шагнули вперед, и вкуче с расшифровкой гена и молекулярного кода человека сулили уже не открытия, а настоящие чудеса, не чета библейским. Он уже и не помнил, с чего все началось, с блокчейна или достижения превосходства квантовых компьютеров, а может, с создания массовых цифровых копий. За цифровыми двойниками производственных установок и целых процессов последовали нефтяные компании, оцифровавшие свои месторождения, метеорологи добились создания динамичных моделей мирового океана. Человек в своем безудержном стремлении на этом не остановился и пошел дальше.

Когда первые добровольцы создали свою цифровую копию, человечество впало в неописуемый шок. Люди привыкли к еженедельному резервному копированию смартфона, хранению данных на облаке. Но смириться с тем, что человек отличается от смартфона лишь большим объемом памяти и принять эту новую реальность смогли очень немногие. Единицы согласились на эксперимент. Вот если бы среди пионеров оказался и его друг Ден.

Ден был романтиком и поэтом, прекрасно пел, и гитара в его руках творила волшебство, а еще он был редким лентяем... Родись лет пятьдесят назад, Ден был бы кумиром миллионов, родись он в средние века, стал бы королевским бардом, любимцем женщин и искателем приключений, глотающим пыль дорог и запивающим ее вином. Но он родился в конце двадцатого века и играл музыку, которую все меньше понимало и не принимало новое поколение. Это был расцвет рэпа и хип-хопа, металл был мало кому интересен. И вот его другу уже за тридцать, он все еще не женат, по-прежнему любимец женщин, но страсть к переменам в его глазах уже не горела былой силой, но он все еще был настоящим.

Артур вспомнил их последний разговор пару месяцев назад. Они сидели в баре, сам он попивал «Крушовице», Ден пил «Блэк Лейбл» Джонни Уокера. Другу нельзя было пить крепкий алкоголь, врачи не рекомендовали, а если честно, запрещали, но в этот вечер его это не останавливало. На фоне звучала группа Nickelback.

- Помнишь, как мы играли в школе?
- Помню, Нил брался за басуху, ты пел за Чеда, а я пытался играть, как Райан.
- Пропускали уроки, и мне потом вечно доставалось, но не тебе, ты ведь у нас был лучший ученик.
- Грешен, я любил учиться, но из нас троих лишь у тебя по-настоящему был талант.
- Майк и Райан из нас получились довольно посредственные.
- Все компенсировал твой драйв, в те годы ты не уступал голосом Чеду, хоть внешне и был больше похож на юного Энрике.
- Он в свои сорок выглядел моложе меня, пятнадцатилетнего, если я забывал побриться. Славные были времена.
- А сейчас разве хуже?
- Вопрос риторический. Какие планы на новогодние праздники?
- Строить горку и снежный домик, может, залью каток. Потом съездим к родителям, пройдемся по паркам. Твои?
- Поедем в Париж, Эмиль пригласил.
- Эмиль, наш друг, старина Эмиль?
- Да, Элина – его сестренка, только не говори мне, что ты не знал.
- Не знал. А я-то все думал, кого же она мне напоминает, но не решался спросить. Надо же, как она выросла. Знаешь, это многое объясняет, по крайней мере, то, как вы познакомились и почему ты так и не представил ее нам, официально. Эмиль пригласил вас в Париж, надо же.

Знаешь, когда он задумался о переезде, я не верил, что он решится покинуть Сан-Франциско. Он ведь не знал французский.

– До сих пор не знает, но как-то же работает в Сорбонне над своими жутко перспективными проектами. Когда он узнал, что мы с Элиной раздумываем, где провести каникулы, предложил приехать к нему. Мы, разумеется, не стали отвергать его предложение.

– А чем он сейчас занимается в Сорбонне?

– Присоединился к одной экспериментальной программе, которую не одобрили у себя американцы.

Принесли еще виски. Артур многозначительно посмотрел на внушительных размеров стакан.

– Я думал, врачи не разрешают тебе пить ничего крепче вина?

– Не разрешают. Я понимаю, что ты хочешь сказать, но мне лучше. Так вот, у Эмиля в группе биотехнологи и нейрологи, ребята работают над цифровизацией сознания. Он обещал устроить для нас небольшую экскурсию.

– Думали уже, что будете делать в Париже, кроме посещения Сорбонны?

– Что посоветуешь?

– Ничего, Париж он ведь для каждого свой. Впрочем, я искренне верю, что нет места прекрасней, чем парки и сады Версаля, не встречал воздуха чище. Знаешь, есть места силы, а Версаль – это место ясности. Поэтому, если надумаешь, убедись, что это будет правильная девушка.

На минутку воцарилось неловкое молчание. После чего Артур продолжил:

– Что я могу сказать точно, так это то, что в Париже немного баров, и там совсем не любят тяжелый металл.

Дэн лишь усмехнулся, выпил еще глоток виски и высокопарно произнес:

– Ок, дружище, я думаю, мы просто выйдем из отеля и окунемся в объятия Парижа.

– Очень поэтично. Лувр, д'Орсэ и Оранжери. Нотр-Дам и Люксембургский сад, Тюильри и к Родену загляните, пожалуй, пантеон, Дворец инвалидов.

– Дворец инвалидов?

– Там лежит Наполеон. Ну или лежал раньше, кажется. И, разумеется, вы просто обязаны выпить кофе у Сент-Жака.

Дэн непонимающе посмотрел на него.

– Это старая башня неподалеку от Hotel de Ville, ты ее не пропустишь. Знаешь, просто установи себе в очки путеводитель по Парижу и выбери правильный режим дополненной реальности.

Принесли еще пива и виски. Официантка улыбнулась и ушла, покачивая бедрами. Дэн посмотрел ей вслед, затем повернулся и спросил:

– Скоро должна приехать Элина, ты ведь не возражаешь?

– Нет, разумеется, сколько я ее уже не видел со дня нашей последней встречи, когда мы ездили провожать в аэропорт коллег Эмиля?

– Помнишь, как мы с ним познакомились?

– Кажется, он был в компании наших школьных айтишников, которые что-то праздновали в тот вечер?

– Их компания отмечала успешный стартап, и они безумствовали настолько, что некоторые гости ушли.

– Он подсел за наш столик и принялся рассуждать о том, что будущее за квантовыми технологиями, мир стоит на грани невиданных потрясений и прочую ахинею.

– Да, и время показало, что не он был безумцем, это мы были слепы.

– Забавно, как ты сейчас описываешь его, как человека, опередившего свое время.

– Но ведь так оно и есть. Эмиль видел то, что другие не хотели и не могли видеть.

– Скорее боялись. Но в тот вечер вы с ним крепко сцепились, и не подоспей я вовремя, ты не вспоминал бы о нем сейчас с такой теплотой в голосе.

Ден предпочел оставить его замечание без ответа.

– Да, людям это свойственно, бояться нового.

– А ты не боишься?

– Чего?

– Ты ведь сказал, что Эмиль занимается оцифровкой сознания, а у тебя проблемы с сердцем. Не боишься упустить шанс обрести жизнь, близкую к вечной?

Ден осушил стакан.

– Я живу сегодняшним днем, дружище, и, пожалуй, меньше остальных гожусь на эту роль. С другой стороны, реши они оцифровать сознание, у моего мозга будет неоспоримое преимущество перед твоим.

– Да, и какое же?

– Он явно будет занимать меньше места.

Тут в зал впорхнула, по-другому и не скажешь, Элина. Она выбрала для похода в бар платье с глубоким вырезом и выглядела удивительно неуместно, словно оказалась здесь по ошибке. Ден было нахмурился, глядя на нее, но она лишь невинно посмотрела в ответ, затем повернулась к Артуру и с ребячьей непосредственностью протянула руку.

– Артур, привет, как ты? Как семья?

– Все прекрасно спасибо, – Артур старательно не отводил глаза от ее лица. – Диана просила передать тебе большой привет, она хотела присоединиться, но родителей нет в городе и не с кем сегодня остаться с дочерью.

Элина очаровательно улыбнулась и подалась вперед.

– Сколько ей уже? Я помню ее еще совсем малышкой.

– Почти пять, приезжайте, будем рады.

– Да, мне бы хотелось ее увидеть, возможно, у нас получится заглянуть к вам после поездки, да?

Она бросила вопросительный взгляд на хмурого кавалера. Артур попытался разрядить обстановку.

– Ден рассказал мне, что вы собираетесь в Париж.

Элина улыбнулась и, повернувшись к Дену, невинно сказала:

– И вечно этот недовольный вид. Я спрашивала тебя, надеть мне свитер или платье.

– Да, и я просил тебя надеть свитер. И ладно бы ты надела платье, но не ожидал, что ты выберешь это.

– А что с ним не так? – спросила она наивно.

Ден вместо ответа повернулся к Артуру:

– Артур, дружище, обратил ли ты внимание, что за соседним столиком стало как-то тихо с приходом Элины?

Артур покатился со смеху.

– Да, пожалуй, еще несколько минут назад там было куда оживленней.

Ден демонстративно заглянул ей в декольте:

– Дорогая, не считая того, что прямо сейчас все вокруг ждут, когда ты снова их осчастливишь... я целиком и полностью одобряю твой выбор.

– Не ожидала от тебя такого пуританства, – Элина кокетливо взмахнула ресницами.

Артур улыбнулся, услышав обвинение в адрес Дена, вот уж кого сложно было заподозрить в пуританстве.

– Элина, ты бы поберегла старину, от твоих выходок у него сердце может не выдержать.

– Отчего же, я та еще скромница, хотя, видимо, мы не пойдем в Мулен Руж. Я ненадолго вас покину.

Артур задумчиво посмотрел на друга:

– Стало быть ты не рассказал ей про сердце?

– Чего ради? У меня на лето запланирована операция, незачем ее напрасно беспокоить.

Не думаю, что она захочет быть с человеком, у которого больное сердце.

– Да, но с такой оторвой, пожалуй, ты не дотянешь до лета. Почему она?

– С ней не скучно.

Артур посмотрел на Элину, идущую обратно к их столику.

– Она торопится жить.

– Разве это плохо?

– Увидишь.

Он встал, прощаясь.

– Элина, рад был тебя видеть. Дружище, до встречи в новом году, желаю вам хороших каникул и большой привет Эмилю.

Элина наклонилась к нему попрощаться, очередной раз заставив нервно сглотнуть группку сидящих рядом студентов. Артур хлопнул Дена по плечу и поспешил покинуть бар.

«Горячая особа, – подумал он, шагая по набережной, – такая, каких нужно избегать, если хочешь прожить жизнь долгую и спокойную и увидеть, как растут внуки. Впрочем, каждому свое». Всегда есть те, кто предпочитает жить ярко, те про кого пишут стихи и песни, те, о ком говорят: хорошо умирать молодым.

Глава 4

Ден и Элина вышли из самолета в аэропорту Орли, сели на электричку до линии PER и через тридцать пять минут высадились на станции Сент-Мишель Нотр-Дам.

Ден решил остановиться в маленьком отеле «Парк Сен Северин» посреди латинского квартала, на улице Паршминэри. Он нес чемодан, у Элины был рюкзак, идти было недалеко, и они довольно быстро добрались до отеля.

Их встретил улыбчивый портье, проводил в номер с видом на освещенную улицу. Был уже глубокий вечер, смеркалось. Они распаковали вещи, приняли душ и, выпив по чашке обжигающего кофе, вышли в сумрак пред рождественского Парижа.

Сена сверкала в отраженных огнях города, таинственная в своей безмятежной красоте. Дойдя до набережной д'Орсэ, они прошли по мосту Сент-Мишель на остров Сите поклониться боли и страданиям Нотр-Дам-де-Пари. Постояли минуту в молчании, затем неторопливо двинулись вдоль собора.

– Ты видела его в былом величии?

– Нет. Ты же знаешь, я в первый раз в Париже. Но я видела, как горел шпиль, всю ночь не сомкнула глаз, наблюдала за тем, как пытались спасти собор.

– Счастье, что он уцелел, не могу представить себе Париж без башен и колоколов Нотр-Дама.

Они остановились у южного входа трансепта, новый шпиль был частично скрыт строительными лесами.

– Ты голодная? – спросил Ден, прижав ее к себе.

– Да, поужинаем?

– Пойдем в «Ле Шале».

Они снова прошли по мосту, затем вдоль бульвара Сент-Мишель и свернули на Сен Северин и через пару минут оказались на улице Арп.

«Ле Шале» представлял собой небольшой уютный ресторанчик, интерьером похожий на обитель винодела-таксидермиста. Внутри стояли ряды дубовых бочек, на стенах висели головы лосей и оленей, застыли в безмолвии белки. Играл джаз.

Элина с любопытством огляделась вокруг.

– Мы словно оказались в хижине французского охотника.

– Пожалуй. Как будто в предместьях Парижа девятнадцатого века, до рассвета искусства и начала золотой эпохи.

Их проводили до деревянного стола в глубине зала, стулья были из резного дерева, простые, но удобные. Принесли меню, Ден принялся изучать его, Элина же предоставила выбор своему спутнику и продолжила беззастенчиво глазеть по сторонам.

Вернулся официант, и Ден сделал заказ:

– Два салата шале, два луковых супа, утку с апельсином и стейк с соусом из перца, средней прожарки. И бутылку «Шато Брондель», пожалуйста.

Элина наконец перестала озираться по сторонам и обратилась к Дену:

– Ты знаешь, я никогда не пробовала луковый суп.

– Я думаю, тебе понравится, я буду готовить его тебе, когда мы вернемся домой.

Когда зазвучала «I'm old fashioned» в исполнении Джона Колтрейна, Элина с призывом посмотрела на Дена:

– Я хочу танцевать.

– Сегодня мы отдохнем, а завтра будем развлекаться, танцевать до утра.

Принесли вино, Ден пригубил, наслаждаясь нотками спелых красных ягод и лаврового листа.

– Пусть подышит.

– Кто это?

– Где?

– Не где, кто поет?

– Нина Симоне, одна из королев джаза. Песня называется «He's got the whole world in his hands».

– Знаешь, это очень необычно, слушать джаз из пятидесятых и пить вино урожая 2010-го в интерьерах охотничьего домика.

– Нас ждет неделя полная готики, Ренессанса и импрессионистов, успеешь соскучиться по деревянным столам.

– Я бы сейчас не прочь зажечь на деревянном столе.

Ден лишь усмехнулся и поднял бокал.

– Выпьем за Париж – город тайн и любви, город-искушение.

После ужина они прошли до Сены, выпитое вино разогнало усталость, хотелось гулять до утра. Элина вдруг остановилась:

– Я хочу поиграть.

– Во что?

– В прятки.

Элина подошла к нему вплотную, закрыла его глаза и прошептала:

– Найди меня и, возможно, получишь награду. Считай до тридцати!

Она засмеялась и убежала, свернула с набережной Сены и оказалась на узкой улочке, в пару шагов шириной. Пожалуй, здесь Ден ее так просто не найдет.

«Ша Ки Пеш» – гласила табличка на каменной стене. «Идеальное место для игры в прятки, или других занятий», – подумала она. Щеки пылали, покрылись румянцем. Прошла минута, затем вторая, Дена не было слышно. Элина почувствовала, как что-то коснулось ноги, она присмотрелась, мимо проскользнул большой черный кот с ярко-желтыми глазами. Он запрыгнул на подоконник и безмолвно уставился на нее, словно пытаясь понять, что она забыла на его улочке. Кот облизнулся и как будто приготовился к прыжку, как за спиной вдруг послышался звук крадущихся шагов. Сильные руки схватили Элину и прижали к стене, руки задрали ее короткую юбку и разорвали стринги. Элина пыталась повернуться и разглядеть неожиданного любовника, но он плотно прижал ее к стене дома, пальцы его неспешно освободили грудь. Элина полустерянная, полувозбужденная пыталась понять, неужели Ден затеял новую полуночную игру, и собралась было закричать, но вместо крика вырвался стон. Минута беспощадного секса, и руки отпустили ее, она обессиленная рухнула на мостовую. Когда Элина пришла в себя, никого рядом не было.

Неподалеку послышался голос Дена.

– Элина, где ты? Признаю, ты победила, выходи.

Элина встала и поправила юбку и куртку. Неуверенной походкой она двинулась к выходу с улочки и слабо крикнула:

– Я здесь в проулке.

Ден, слегка запыхавшийся, появился в полумраке:

– Не ожидал, что мы и вправду будем играть в прятки. Ты выбрала отличное место, – он обнял ее и прижал к стене, – нашла укромный уголок.

Он обнял ее, и второй раз за последние несколько минут Элину повернули лицом к стене и освободили грудь.

Ден прошептал ей:

– Продолжим или пойдем в номер?

Элина возмущенно вырвалась и залепила ему звонкую пощечину. Ден лишь довольно усмехнулся:

– Я думал, тебе понравилось.
– Да, мне понравилось, но мне бы понравилось еще больше, если бы ты предупредил меня.
– Тогда не было бы азарта.
Ден запрокинул голову и увидел вывеску.
– Ты слышала городскую легенду об алхимике и его коте-рыболове?
Элина, подняв взгляд, спросила:
– Нет, а о чем она?
– Сейчас расскажу. По легенде, в этом переулке жил некий каноник Перле, и ходили суеверия о том, что он алхимик. Сама понимаешь, как в те времена относились к таким старикам – с большим подозрением. А еще у него был кот, который прекрасно ловил лапой рыбу из Сены.
Элина прервала:
– Кот был большой черный с желтыми глазами?
– Да, ты о ней слышала, о легенде?
– Нет, но прямо перед тем, как ты...
– Устроил сюрприз.
– Да, прямо перед этим ко мне пристал большой черный кот.
Ден намотал ее волосы в кулак и глубоко задышал.
– Так вот, кот был прекрасным рыболовом, и однажды ночью студенты решили проучить алхимика и бросили кота в воды Сены.
Элина, сглотнув, спросила:
– И что стало с котом?
– В этом-то и вся история. Алхимик после этого покинул Париж и вернулся нескоро. А следом за ним вернулся и кот, который продолжил все так же... – Ден судорожно вздохнул, – ловить рыбу.
Элина поднялась и протерла салфеткой края губ, на подоконнике неподалеку осуждающе сверкали две желтые не мигающие точки.
– Жуть. Прямо как у Кинга. Пойдем скорее, мне вдруг стало как-то не по себе. Как будто за нами наблюдают.
Ден поцеловал ее.
– Люблю тебя, моя бестия, ничего не бойся.
Они направились в сторону дома, он ее обнял, но вдруг пошатнулся, схватившись за стену дома, словно боясь упасть. Лицо его побледнело, но через мгновение он снова пошел твердой уверенной походкой.

* * *

Артур почувствовал тревогу. Попытался понять, что его беспокоит, но не смог. Тревога мешала думать, отвлекала от работы. Оглянулся по сторонам, никого кроме него вокруг не было. Пожалуй, поработает еще немного и поедет домой, за те дни, что он сидел допоздна на работе, Артур успел изрядно соскучиться по семье. Он встал из-за стола, снял очки, отключив интерфейс, обувь и прошел на лужайку.

Трава приятно щекотала ступни. Если бы лет пять назад Артуру сказали, что вместо ковролина на полу будет лежать настоящий рулонный газон, он бы не воспринял это всерьез. Но влажная трава проминалась под ногами и была живой, газон поливали каждый день в девять вечера, он еще не успел впитать влагу и блестел бусинами света.

Полежав с минуту на лужайке, Артур вернулся к столу, уютно расположившемуся между кипарисовиком и лимонным деревом. Вместо перегородки на столе росли фикусы и папоротники. Эту часть офиса Артур любил больше всего, она напоминала ему о маленьком лесочке

за домом, в котором он так нечасто играл с дочерью. Офис был разделен на климатические зоны, на первом этаже была зеленая, обсаженная кустарниками и деревцами, на втором пространство для любителей свежего морозного воздуха, этакий кусочек Исландии с благородным мхом, растущим на стенах, добротными грубыми столами из массивного дерева и ледяными водопадами, разливающимися вокруг. Вода, пробегая дальше, собиралась по желобам и протекала вниз, накапливаясь для вечернего полива деревьев и кустарников этажом ниже. На третьем этаже обитали сотрудники, любящие сухой и горячий климат, самый маленький по площади, большую часть времени этаж пустовал.

Он вновь подключил очки и дал команду поиска информации по объектам. Последние несколько дней он пытался понять, на что были направлены средства, весьма солидные, выделенные одной из дочерних компаний, но следы обрывались один за другим, он был близок к тому, чтобы сдаться. После получаса безуспешных поисков он решил, что его изначальная идея была ошибочна, нужно построить новую теорию.

Выйдя на морозный воздух, он направился в сторону парковки. Его раздумья прервал надтреснутый голос, он увидел лежащего на тротуаре человека:

– Помоги, брат...

Артур остановился, но затем двинулся дальше. Он хотел, но не мог, не мог ему помочь и испытывал одновременно стыд и отвращение. Когда уже исчезнут с улиц пьяницы, замерзающие в холодной ночи. Когда общество обеспечит достойное существование не только избранным, но всем и каждому, приблизится к светлому будущему, сделает себя достойным своего создателя.

От мыслей этих веяло социализмом, он поставил погромче Эллу Фицджеральд и тронулся в путь. Невысоко над ним пролетело несколько автомобилей, сверкнув сигнальными огнями. Машины летают, людям больше не хватает места на земле, они ринулись покорять небеса. И будут подниматься все выше в бессознательном стремлении достичь то ли других планет, то ли Творца.

Странное средневековое представление и желание постичь таинство небес плавно трансформировалось сперва в желание достичь Марса, а после, благодаря гению Маска, в желание вырваться за пределы Солнечной системы. Стопа человека, не довольствуясь путешествием мысли, намерена был ступить все дальше и дальше.

Артур почувствовал прилив первобытного удовольствия от скорости и ощущения пробегающей под автомобилем дороги. Наверное, также радовались его предки, мчась по бескрайней степи на горячих скакунах. Несмотря на весь прогресс, инстинкты все еще сильны в людях, кровь закипает, и музыка звучит в голове.

Убаюканный легким джазом, Артур съехал с хайвея и свернул на проселочную дорогу. Проехал мимо местечка, где когда-то был супермаркет, в котором покупал творожки и йогурты для дочери, до того, как система автоматического заказа и доставки продуктов на дом не убила рынок розничных продаж. «В начале двадцатого века, – размышлял он, – было принято заказывать еду на дом. Первым утром приезжал молочник и оставлял молоко в стеклянных бутылках и кисломолочные продукты. Каждый день после молочника приходил, напевая песенку, булочник. Раз в неделю навещался посыльный из мясной лавки. Бакалейщик доставлял сахар и муку, огурцы и помидоры, чай и прочие товары. Потом появились магазины, супермаркеты и убили индустрию поставок на дом. Спустя полвека индустрия поставок, усиленная интернетом вещей, дронами и повсеместным распространением системы умных домов вернулась и практически убила ритейл. Не полностью, разумеется, нельзя выбрать идеальную фермерскую утку по интернету, не пощупав ее. Так же как нельзя выбрать правильные сливы и мандарины для утки». Разделав птицу, Артур вытер руки, выложил вокруг дольки мандаринов и направился за своими девочками.

– Принцессы, ужин готов.

Ужинали они сегодня на открытом воздухе, Артур передвинул поближе к столу и скамье жаровню с горящими углями, но все же не слишком близко, чтобы не допустить резкого перепада температуры дерева. Диана и Лили вышли, укутанные в теплые пледы, этот год радовал теплой погодой, сосны, растущие за домом, надежно укрывали от ветра, но все же был легкий минус.

Артур встряхнул со стола легкий снежок, поправил ветки и пододвинул жаровню еще ближе к скамье, помог сесте дочери и направился домой. Включил освещение и лес засиял сотнями маленьких веселых огоньков. Вынося утку, он заметил на снегу следы котов, развернулся и закрыл за собой дверь.

Его встретил слегка насмешливый взгляд Дианы:

– Дорогой, я понимаю, что ты очень гордишься тем, что сам изготовил для нас стол и скамейку...

– Ты передвинула барби?

– От небольшого количества тепла, – Диана на секунду замешкалась, – предметы искусства не пострадают, – закончила она с озорным смешком.

Артур лишь улыбнулся, положил щедрую порцию утки на тарелку дочери, добавил салата и слегка полил гранатовым соком.

– Чему сегодня научилась, принцесса?

– Рисовала картину.

– Да, мы сегодня мы рисовали, картину одного известного «лесного» пейзажиста. Предлагаю на днях посетить галерею, посмотрим, получится ли у нашей принцессы найти свою картину в галерее.

– Что думаешь, Лили? Согласна?

– Я тоже за, принято единогласно. Как продвигаются поиски нового детского сада?

– Сегодня были в двух, завтра планируем посетить еще два.

– Лили, в котором тебе понравилось больше?

Лили задумчиво посмотрела на него, затем с уверенностью заявила:

– В том, где мы играли в котиков.

Невозможно было не рассмеяться над непосредственностью, с которой была произнесена эта фраза.

– В котиков – это хорошо. А какой понравился тебе, Диана?

– Знаешь, они очень разные, в одном преподают носители языка, а в другом занятия в бассейне практически каждый день. Я думаю, тебе стоит заехать, посмотреть как-нибудь самому.

– А в котором из них играли в котиков?

– В том, что с бассейном.

– Отлично, тогда мы с Лили голосуем за него. Ставки сделаны, ставок больше нет.

Диана возмущенно посмотрела на Артура, но он смотрел лишь на дочку, с наслаждением уплетающую ужин. После ужина Артур с дочерью поднялись наверх, и он долго читал ей детские детективы, которыми сам зачитывался в детстве. Его дочь не была в большом восторге от произведений Энид Блайтон, но ей нравилось, когда папа читал ей на ночь, а в последнее время это случалось нечасто. Прочитав страниц двадцать, Артур наконец заметил, что дочь заснула, прижавшись к нему, и читает он уже не столько ей, сколько для себя.

Дочитав главу, он тихонько встал с кровати, чтобы не разбудить дочку, и аккуратно прикрыл за собой дверь. Из ванной доносились звуки воды, Артур уже собрался было присоединиться к Диане, но на очки поступил сигнал вызова. Артур повел бровью и вместо серой стены перед глазами всплыли интерьеры эпохи Возрождения и довольное лицо Дена.

– Дружище, если ты чуть наклонишь камеру на часах, я буду видеть тебя, а не только твой потолок.

– Как прошел полет?

– Неплохо, мы довольно быстро добрались до города, и, к счастью, в Париже прекрасная погода. Я понимаю, что глобальное потепление ужасно и все подобное, но против плюс пятнадцати посреди зимы на севере Франции я совсем не возражаю.

Артур услышал, как отворилась дверь и из ванной выглянула Диана.

– Дорогой, с кем ты разговариваешь?

– С Деном, можешь передать ему привет.

Диана вышла из ванной, обернутая в полотенце.

– Ден, привет, рада тебя слышать. Как добрались до Парижа? Прости, я не смогла к вам присоединиться на прошлых выходных.

– Ничего страшного, я рад тебя не только слышать, но и видеть, кстати, очень милое полотенце.

Диана слегка покраснела и приподняла была полотенце, но оценив угол обзора с камеры на часах Артура, передумала.

– Я хотел бы попросить вас о небольшом одолжении.

Артур перевел камеру, сместив обзор с комнаты на свое лицо, и строго спросил:

– Дружище, если ты хочешь...

– Нет-нет, ни в коем случае. Дело в том, что у меня был небольшой приступ, если вы понимаете, о чем я, и, кажется, Элина что-то заподозрила.

– Сердце?

– Да, мы слегка пошалили, и последовала реакция. Так вот, об одолжении: если вам перезвонит Элина, не могли бы вы не рассказывать ей о моих временных трудностях?

Диана возмущенно вздохнула, Артур поспешил снова повернуть камеру на себя.

– Дружище, мы не станем ей лгать, ей нужно знать, ради твоего же блага. И чем вы таким занимались, что у тебя прихватило сердце?

– Я не прошу тебя лгать, будет вполне достаточно, если ты проявишь рассеянность и не ответишь на вызов и перезвонишь, скажем, не сразу, а через пару дней, сославшись на занятость.

– Мы подумаем, но обещать ничего не будем.

– Спасибо, дружище, мне пора, Элина скоро выйдет из душа, хорошего вам вечера, – Ден улыбнулся: – Артур, старина, я тебе этого раньше не говорил, но... у тебя чертовски красивая жена.

Вызов закончился, и Артур, сняв очки, посмотрел на Диану, по-прежнему стоящую в двух шагах от него. Полотенце, едва доходившее до середины бедер, соскользнуло на пол. На часы поступил сигнал вызова от Элины, но Артур его проигнорировал.

Глава 5

Версаль встретил их легким дождем и солнцем. Сойдя с поезда, они какое-то время озирались по сторонам, затем, сообразив, в каком направлении двигаться, бодро зашагали вперед. Рядом шли группками туристы. Впереди говорили на испанском, позади их догоняли и все никак не могли догнать парень и девушка, которые громко что-то обсуждали на китайском. Они завернули за угол и увидели наконец изящные очертания дворца. Элина восторженно захлопала в ладоши и грациозно побежала вперед, легкая как лань, юная и свежая.

Ден, глядя на нее, подумал, что она – его бессмертие, способ отсрочить неизбежное. Догнал ее уже у самого входа в дворец. Она обняла его и страстно поцеловала. Здорово, что они так мало разговаривают. Разговоры его утомляли. Отчасти поэтому рядом с Элиной ему было так легко.

Солнце между тем скрылось, и стало прохладней. Ден вспомнил, что сейчас зима, пусть и не похожая на те зимы, которые, он помнил, были еще десять лет назад. Тогда Версаль и вовсе закрывался в октябре.

– Заглянем внутрь или сразу пройдем в парк?

Элина укуталась поплотнее в легкое пальто цвета лазури, растворенной в молоке.

– Пожалуй, заглянем.

Ден посмеивался в душе, глядя на то, как Элина вышагивает по коридорам дворца. Чинно и медленно, как подобало знатым дамам эпохи Людовика XIV, критически оценивая интерьеры и размеры кроватей XV века. Войдя в зеркальную галерею, она, однако, снова стала собой, принялась танцевать, прыгать и кружиться в лихом вальсе под ритмы, игравшие в ее голове. Она попыталась было увлечь за собой в танец Дена, но наткнулась на осуждающий взгляд зрителя музея, после чего зашагала горделивой походкой, проходя мимо она сделала глубокий реверанс.

Дальше пошли роскошные в своем излишестве пурпурные комнаты, Элина примеряла на себя роль хозяйки дворца, беспардонно ступая за рамки ограждения. Продолжалось это до первого окна, из которого открывался вид на садовый ансамбль. После они двигались в спешке, которой стены Версаля не видели с самой середины двадцатого века, позабыв о всякой величественности. Молодые люди буквально выбежали из дворца, обогнули его и поспешили к садам.

– Расскажи мне о Версале.

– Версаль... он для каждого свой.

Запыхавшись, Ден ответил не сразу, затем задал команду поиска информации, вспоминая поэтические слова Артура. На дисплее его высветилась запрошенная информация, и он бодро, но педантично продолжил:

– Сады и парк Версаля находятся на территории Королевских владений в Версале и являются частью дворцово-паркового ансамбля Версаля. Расположенные к западу от дворца сады занимают девятьсот гектаров, большая часть которых благоустроена в классическом стиле регулярного французского парка, который здесь был доведен до совершенства знаменитым ландшафтным архитектором Андре Ленотром...

Элина, слегка было опешившая от такого потока информации, наконец заметила, что смотрит он не на нее, а как будто куда-то перед собой. Подойдя к нему, она мягко забрала очки, спрятав в сумочку.

– Я думаю, наша с тобой реальность сейчас настолько прекрасна, что не нуждается в какой-либо обработке или дополнении.

– Хорошо, моя госпожа, – улыбнулся Ден. – Знаешь, в чем прелесть Версаля?

Элина молча пожала плечами, ожидая ответа. Ден подвел ее к вершине лестницы, где начинался спуск к садам, и закрыл глаза, приобняв за плечи.

– В том, что он безумно разный, только здесь мы можем потеряться в зеленом лабиринте и вдруг найти себя у фонтана с восемью сходящимися дорожками. Одна из них приведет нас к каскаду из тридцати девяти других фонтанов, под журчание которых мы будем есть горячие бриюши. Затем я завяжу тебе глаза, и когда ты снова увидишь солнце, мы с тобой окажемся посреди бального зала, окруженного амфитеатром, выложенным из дикого камня, усыпанного розами. И мы будем танцевать под симфонию, написанную руками гения, еще не родившегося в те дни, когда вино текло рекой в этих стенах, а уста стонали от наслаждения. А потом мы вспомним, что мы еще дети, и побежим по шахматной доске, примеряя на себя отнюдь не детские роли пешки, офицера, королевы. Ты будешь моей королевой, а я буду твоей пешкой. Затем, устав от игры, мы будем наслаждаться друг другом в саду короля, где растут цветы, красивей которых ты еще не видела до этого дня и не увидишь после. Затем отправимся в парк, выпьем вина и посетим в театр, заблудимся где-нибудь у фермы Марии Антуанетты и...

Продолжение он шептал ей на ушко, нежно обняв за талию, от чего она зарделась и оглянулась по сторонам.

Они так и поступили, играли в прятки в лабиринте и танцевали под дождем, и пили легкое вино из молодого винограда. И день сменился вечерним сумраком, который они встретили, сидя на траве.

* * *

Элина долго смотрела на отражение звездного неба и огней Версаля в водах канала.

– Очень красивое небо, Гоген здесь написал свою картину?

– Которую?

– Ту, что ты вчера показывал в д'Орсэ.

– Нет, та картина называется «Звездная ночь над Роной». На берегу Роны он ее и написал. Но, думаю, проводи Ван Гог побольше времени в Версале, он мог бы подарить нам не одно прекрасное звездное небо.

Подойдя поближе к каналу, Элина показала на яркую звезду, сияющую на небе, отраженном в спокойных водах.

– Как она называется? – спросила она бесхитростно.

Ден проследил за направлением ее изящной руки.

– Это не она, ты показываешь на Сириус.

Элина продолжила с той же детской непосредственностью:

– Почему она светит так ярко?

– Из всех звезд, что ты видишь на небе, она ближе всех к нам.

– А из тех, что я не вижу?

– Ближе Альфа Центавра, но ее видно только в Южном полушарии.

– А что за желтая звезда светит рядом с Сириусом, чуть левее?

– Бетельгейзе. Красный гигант из созвездия Ориона.

– Гигант?

– Она больше нашего Солнца в миллионы раз. И окажись в центре Солнечной системы, простиралась бы до Марса, а может, и Юпитера. А скоро станет еще больше, когда превратиться в сверхновую. Возможно, мы или наши дети смогут увидеть, как на небе засияют целых два солнца.

Элина задумчиво посмотрела на него, затем вернулась взглядом в темную синеву.

– Сколько всего существует звезд?

– Миллиарды, может, триллионы...

– Почему в таком случае мы видим на небосводе их так мало?

– Некоторые из них так далеко, что глаз человека не способен уловить их сияние, а что до остальных, то они находятся еще дальше. И их свет пока просто не добрался до Земли. Возможно, пройдет десяток миллионов лет, и новые звезды засверкают на небосводе, а старые умрут и погаснут...

– А что происходит со звездами, после того как они умирают?

– Некоторые рассеиваются, иные превращаются в сверхновые, ну а каждая тысячная превращается в нейтронную звезду. А теперь посмотри вон туда, чуть выше горизонта, ты видишь?

– Что это?

– Планетарное трио, сегодня в небе встретились Меркурий, Венера и Марс. Такого еще не было в двадцать первом веке.

Элина посмотрела на него с легким изумлением.

– Откуда ты все это знаешь?

– Я не рассказывал? В школьные годы я участвовал в олимпиаде по астрономии, занял четвертое место.

– А по правде?

– У очков предусмотрен специальный режим, когда активируешь его, на дисплее подписаны звезды и краткое описание.

Элина было захохотала, но остановилась. Очарованная Версалем, она не хотела нарушать уединение. Увидев, что Ден присел на скамейку, подошла к нему и, присев перед ним на колени, потрепала его по прохладной щеке. Глаза его были закрыты и казалось, он не дышит. Раздался вздох, глаза открылись, он тяжело поднялся и обнял ее.

– Я бы не хотел покидать Версаль, но все же нам пора домой. Завтра нас ждет Эмиль.

– Верно, когда еще мы сможем побывать в университете Пьера и Марии Кюри? – в голосе сквозила ирония.

Они зашагали в сторону дворца, к выходу из сада. Под ногами мягко поскрипывал песок. Снова пошел дождь. С грустью посмотрев напоследок на каскад садов, окутанных темнотой, они направились в сторону поезда, который доставит их в Париж.

* * *

Эмиль снял очки и устало протер глаза. Он не хотел в этом признаваться, но, кажется, он зашел в тупик, продвинуться дальше в переносе сознания не удавалось. Нужны были опыты, нужно было рисковать и опробовать технологию в действии. Но клиенты, сознание которых он с такой старательностью сохранял на облака, делали это не потому, что хотели, но могли. И ни один из них не пустил свое второе «я» в вольное плавание, предпочитая спящий режим и ежемесячную синхронизацию. Они заплатили хорошие деньги, сделали копии своих сознаний, но не верили им или боялись. Как же, ведь у того цифрового парня есть данные всех счетов и паролей, ему не нужна записная книжка и биометрия, он знает информацию обо всех офшорных компаниях и операциях, о сделках с переуступками, этому парню известны контакты любовниц и дни рождения детей.

Наверное, большинство его клиентов мечтало о том, чтобы его эксперимент не сработал и двойник не обрел самостоятельность, но забвения они боялись больше. Они отчаянно пытались продлить свою жизнь, делая множественные операции по трансплантации органов и переписывали ген за геном в попытке обмануть рак, Паркинсона и Альцгеймера.

Другие были настоящими цифровыми гиками, которые могли себе позволить место на облаках, и не могли себе позволить роскоши не поддаться веяниям времени и примеру не менее успешных и богатых друзей. Для них это было, как выстоять в долгой очереди и приобрести очередной айфон, хоть и безумно дорогой.

Эмиль за прошедший год осуществил более двадцати операций по извлечению сознания. И ни одна из них не была завершена до конца, ни один из этих избранных не позволил своему второму «я» зажить собственной жизнью. Но все они с нетерпением ждали возможности увидеть новые тела, в которые будет закачено их сознание, случись с ними что-то неприятное, например, смерть. Отчаянный парень, готовый рискнуть всем, не страшившийся участи умереть молодым – вот кто ему был нужен, но такие ребята не зарабатывали миллионы, в отличие от тех, что до самой смерти сидели в удобных кабинетах с видом на реку, или умирали в результате несчастного случая при занятии экстремальными видами спорта.

На дисплей очков выскочило уведомление. Как он мог забыть: на следующей неделе его и партнеров ожидает встреча с инвестиционным комитетом. Фондам, что вложились в его рискованное предприятие, хотелось знать, каких они достигли результатов и имеет ли смысл поддерживать проект и дальше. Особенный интерес питали те из инвесторов, кто успел оцифровать себя, а также пенсионные фонды, которых, в свою очередь, поджимали регуляторы, недовольные инвестициями в столь рискованный проект. Эмиль всегда с иронией думал о том, что пенсионные фонды должны обладать немалым мужеством, чтобы вкладывать средства в проекты, целью которых являются коренные преобразования в смертности населения, что поставит фонды в незавидное положение, когда пенсионеры, вышедшие на пенсию двадцать лет назад, вдруг массово перестанут умирать, и с каждым годом придется платить им все больше и больше. «И пенсионный возраст дальше не поднимешь, – подумал он, – ведь нельзя же, чтобы пенсионный возраст был выше среднего возраста дожития».

Впрочем, это не его дело. Ему нужно думать о том, как двигаться дальше, как суметь переместить сохраненные его клиентов в искусственно синтезированные выращенные тела, все до единого красивые и накачанные, с большими бицепсами и не только. И заставить эту конструкцию работать, думать, говорить, есть, пить и совокупляться.

Встреча была назначена на понедельник. Сегодня работать дальше он был уже не в силах, на завтра была запланирована встреча с его взбалмошной сестренкой и Деном, следовательно, работать он будет в воскресенье, благо дорога до Жиф-сюр-Иветт занимала не более часа. Может, оно и к лучшему, поможет отвлечься от тяжелых мыслей, навеянных, вне всяких сомнений, одиночеством.

Со времени переезда из Сан-Франциско в свободное от работы время он занимался тем, что исследовал Париж, скучал по друзьям и прежней работе. Только Эйприл давала ему силы на новые свершения, помогала в работе. Не время думать об Эйприл... Он был рад приезду друзей, загрузка на проекте не позволяла ему покинуть Францию. Посетить родные края, семью, друзей при его графике было просто немыслимо. Он находился либо в Сорбонне, либо в одном из научных центров в Страсбурге, Орлеане и Жиф-сюр-Иветте, либо в пути между ними.

В лаборатории в Орлеане изготавливались тела, точнее прототипы тел. Французские коллеги впервые со времен Родена снова превратились в величайших скульпторов, зодчих человеческого тела. Правда теперь строение человека они моделировали хоть и не на уровне атомов, но уже на молекулярном и субмолекулярном уровне. В Страсбурге нейрофизиологи пытались решить вопрос синхронизации облачных процессоров с искусственно выращенными нейронами, свободными с точки зрения генетики от любых заболеваний, неуязвимых как для гема- том и повреждений, так и для большинства известных ядов.

Сам же он большую часть времени проводил на берегу реки Иветт, в эпицентре французской научной мысли, так называемой научной долине, изучая и моделируя свою собственную цифровую копию. Успех пришел к нему не сразу и непросто. В Сан-Франциско тогда еще были запрещены эксперименты с привлечением людей, поэтому в его распоряжении были всего один мозг и всего одно тело, его собственные. Никто не смог бы запретить ему, кроме родителей, но они были далеко. Эмиль провел годы в виртуальном мире в попытке настроить взаимодей-

ствие между процессорами и разумом, все время совершенствуя работу системы. И ребят в свою команду выбрал под стать себе самому, таких же безумцев, способных не есть и не спать неделями, работать на грани, а иногда и за гранью человеческих возможностей.

Поначалу они были группой фанатиков, уверовавших в воплощение своей идеи, и не хотели сдаваться, не покорив Олимпа. Он попытался вживить электроды в мозг. Это был опасный и болезненный эксперимент и, увы, безуспешный. Затем Эмиль пошел иным путем. Отказавшись от идеи вживления электродов только в мозг, он вживил их равномерно по всему телу, вшивая чипы под кожу. С годами он менял их один за другим по мере совершенствования технологии и уменьшения размеров чипов. Если семь лет назад он начинал с пятидесяти электродов в руках, пытаясь научить компьютер распознавать сигналы, посылаемые синапсами мышцам руки, уже через три года его тело представляло собой цифровую карту, наполненную как простыми электродами с небольшими чипами, так и полноценными микропроцессорами, заряжаемыми непосредственно от его тела. Под конец он все же вживил электроды и в мозг, но, к счастью, для этого ему не потребовалось вскрывать черепную коробку. Электроды, послушные командам его мозга, прошли по сосудам в самое сердце мысли. У этих экспериментов, однако, оказалось неожиданное последствие. Ему стало затруднительно совершать перелеты, поскольку системы безопасности аэропортов буквально сходили с ума при его появлении, а архаичные металлорамки, которые еще не везде успели заменить системами анализа человека на молекулярном уровне, поднимали пронзительный вой. Но это была небольшая плата за прогресс. Электроды и чипы открыли перед ним новые горизонты.

Он вспомнил, как еще студентом впервые услышал о проекте Blue Brain, использовавшем суперкомпьютер Blue Gene. С тех пор прошло уже два десятка лет, но идея, захватившая его тогда, не отпускала и по сей день. Он и его команда, отчаявшись обработать данные на имеющемся «железе», не добившись финансирования по покупке оборудования, построили собственный суперкомпьютер и назвали его со свойственным им юмором Large C. Для университета «С» означало компьютер, но про себя они смеялись как школьники. Они отпраздновали свой успех, но вместо того, чтобы начать поиск инвесторов, на следующее же утро принялись проектировать с использованием Large C его более мощного, но компактного младшего брата с кодовым именем Little C. Параллельно, втайне от команды Эмиль занимался вживлением, часами сидел, запершись в кабинете. У него ушел не один месяц на то, чтобы Little C научился понимать движение его рук. И он совершенно не представлял, как научить его понимать мимику, эмоции и переживания. Помог случай.

Однажды он забыл отключить систему считывания сигналов и погрузился в виртуальный игровой мир, разрабатываемый на досуге его командой. Всю ночь он бродил по ледяным просторам гор, затем по диким джунглям, а закончив игру, увидел, что свободная память суперкомпьютера сократилась сразу на процент, хотя за весь прошлый месяц он с трудом наполнил десятую часть процента.

Это была вершина самоиронии. Битва на мечях, скачка на лошадях и занятие магией в виртуальном мире, удовлетворение первобытных потребностей куда лучше раскрывали мозг, чем сложные попытки научить компьютер распознавать взаимодействие синапсов. Тогда-то он и решился попробовать создать свою копию. Решил, что для начала он испытает ее в виртуальном мире. Для того чтобы она была максимально точной, он провел полную трехмерную томограмму тела, пролежав неподвижно больше суток, и загрузил данные в систему, создав тем самым прототип своего цифрового двойника в виртуальном мире, вместилище его виртуального «я». Двойник перемещался с ним по просторам игры, по вечерам они разговаривали, и Эмиль пересказывал ему свою историю, заново переживая воспоминания, одно за другим. Двойник копировал его жесты, мимику, походку, параллельно выстраивая логические цепочки, анализировал порядок взаимодействия синапсов нейронов.

Он дошел до стадии, когда мог увидеть транслируемые его цифровой копией картинки из его, Эмиля, давно позабытого прошлого. Девочку с косичками, к которой он стеснялся подойти в детском саду. Картины того, как он учился кататься на велосипеде, впервые взял в руки теннисную ракетку.

Прошел не один месяц, и его двойник начал осуществлять поддержку по переносу данных в те редкие периоды, когда Эмиль погружался в глубокий сон. Это было эффективно, но его не покидала навязчивая мысль о том, что он не знает, кто этот парень, который выглядит, как он, разговаривает, как он, и думает, как он. Сохранил ли свое собственное сознание или создал цифрового близнеца?

Надо отвлечься, ему будет полезно увидеться с сестрой и другом. Эмиль волновался перед встречей с Элиной, они не были близки, и он не видел ее уже пару лет, но все же сильно скучал и как бы по-детски это ни звучало, беспокоился, что она заметит отпечаток, который на нем оставила работа, и расскажет маме. Маму он не видел еще дольше, она не одобряла его идей и взглядов и наверняка бы не одобрила то, что он вытворяет с душой и телом, с такой любовью ею возвращенными.

Глава 6

Утро началось с дождя. Это был не тот дождь, под которым было приятно прогуляться по берегу Сены и по узким улочкам, вымытым от ставшего уже привычным амбре. Это был тяжелый дождь, со снегом и пронзительный ветром. Он громко барабанил в окно, вызывая тревогу, Элина поежилась и посильнее прижалась под одеялом к Дену. Он не спал.

– Будет буря?

– Будет буря.

– Может, останемся дома, займемся чем-нибудь? – рука ее потянулась к его паху.

– Может, но боюсь твой брат не поймет.

Он чмокнул ее в лоб и неспешно поднялся с кровати. Приняв душ, они направились завтракать. После вчерашней прогулки Ден был страшно голоден. Они надели теплые пальто, не позабыли зонты и вышли в бурю. Элина ежилась и прижималась к Дену, он старался удержать зонт, борясь с ветром. Они торопливо распахнули дверь и ввалились внутрь гостеприимного бистро. Le Bistro du Perigord встретил их уютными запахами домашней еды. В этот ранний час еще не было других посетителей, и хозяин сам встретил гостей с радушной улыбкой на лице, словно старых друзей. Он неспешно подошел к ним с бокалами, в которых плясало янтарное вино, и спросил на ломаном, оттого еще более приятном английском:

– Для вас, моя молодая леди, луковый суп с бриошью, половину порции улиток и чашечку кофе?

– Да, Пьер, благодарю. Как сегодня ваше колено?

Элина с сочувствием посмотрела на симпатичного седого старичка, он изредка подергивался от боли.

– Все в порядке, мадмуазель, вот когда оно перестанет болеть, тогда-то я и начну беспокоиться.

Он поставил бокал перед Деном и неспешно нараспев спросил:

– Для вас, мой друг, луковый суп с уткой на второе и кофе в конце, а мартини прямо сейчас?

– Да, мой дорогой Пьер, надеюсь мы вас не сильно потревожили в столь ранний час?

– Не тревожьтесь, молодые люди, мы с Люсьен половину жизни провели, работая на виноградниках Бордо, привыкли вставать с петухами. Люсьен и сейчас встает в пять, а что касается меня, я себя ни в чем не утруждаю, мое время на исходе.

Ден лишь вежливо улыбнулся:

– Не думаю, Пьер, вы еще меня переживете.

Позавтракав, они направились в сторону института Пьера и Марии Кюри. Институт находился в десяти минутах ходьбы от бистро, и пока они шли, успели изрядно промокнуть. Устав бороться с ветром, Ден свернул зонт и шел, низко опустив голову, словно пытаясь спрятаться от непогоды, чувствовал он себя неважно, но не хотел в этом признаваться.

– Ты знаешь, куда нам идти? – перекричала Элина вой ветра.

– Посмотри, в радиусе нескольких километров должно быть всего одно здание из стекла и стали, если видишь его, оно-то нам и нужно.

– Нужно было взять такси!

Когда они подошли ко входу, им уже улыбалось с экрана усталое, но довольное лицо Эмиля. Ворота широко открылись, пропуская их на территорию кампуса. На дисплее очков Дена высветился маршрут. Они прошли мимо главного входа и направились по тенистой алее к неприметной двери. На очках вспыхнуло сообщение с комбинацией.

Ден набрал замысловатый код, и тяжелая дверь медленно отворилась, по темному коридору к ним шел человек, худой и бородатый, он широко улыбался.

– Сколько лет прошло с нашей встречи, сестренка. Ден, дружище, рад видеть.

Он резко замолчал. Элина, бросившись обнимать, едва его не задушила.

– Пройдемте в лабораторию, я вам расскажу и, может, даже покажу, чем тут занимаются наши безумные ученые. Выпьем горячего кофе, съедим по булочке, вам не мешает согреться.

Они направились к лестничной площадке, Элина бросила на брата вопросительный взгляд, мол, почему не на лифте, но он лишь виновато ответил:

– Здесь все стараются снизить потребление электроэнергии, отключаем лифты на ночь и выходные. Не переживайте, нам не на самый верх.

Эмиль их не обманул, они остановились на одиннадцатом этаже двенадцатиэтажного здания. Элина, пока поднималась, успела согреться, с Дена и вовсе градом катил пот. Оставив вещи в кабинете Эмиля, они прошли в небольшую кухню, где несмотря на выходной день, сидели несколько человек из команды.

– Внимание все. Это моя сестренка Элина и мой друг Ден. Элина, Ден, знакомьтесь – все.

– Пришли на экскурсию, а?

Добродушного вида парень с широким улыбчивым лицом весело подмигнул им.

– Да, я пригласил их, хотел рассказать о нашей работе. Майк, ты ближе всех, передашь кофе?

– Да, секунду, держите, осторожно, она горячая.

Он протянул сперва руку, потом кофеварку. Ден, пожав руку, передал кофе Эмилю, затем снова обернулся к Майку.

– Рад знакомству.

Эмиль вернулся с двумя чашками обжигающего кофе.

– Бриоши на столе рядом с Фредериком.

Улыбчивый парень кивнул им, пододвинув блюдце поближе.

– Ну же, не стесняйтесь, ребята, расскажите, чем мы здесь занимаемся. Майк, расскажи ты, в чем заключается твоя роль?

– Мне и самому хотелось бы знать. Ты, меня нанимал не совсем для этого, я сейчас и не вспомню, как вообще оказался в команде, но в основном я занимаюсь поисками ответа на вопрос, как заменить жизнь, основанную на молекулах воды и углерода на жизнь, основанную на электромагнитном взаимодействии. У природы был миллиард лет на то, чтобы собрать молекулу ДНК, а Эмиль требует то же самое, но за три года.

– Верно, и полтора года из трех отпущенных уже позади, но я верю, что ты справишься. Майк руководит нашей лабораторией в Страсбурге.

– А вот этого молодого человека, которого я попрошу передать уже нам наконец блюдо с бриошами, зовут Фредерик, он наш штатный скульптор, руководит лабораторией в Орлеане.

– Скульптор, – Элина издала ехидный смешок, – что может быть общего у скульптора с моим братом? Без обид, Эмиль, но ты побывал в Лувре хоть раз после своего переезда?

Фредерик потер руки.

– Довольно много, если учесть, что я никогда в жизни не держал в руках долото и пемзу. Я занимаюсь подготовкой прототипов тел для тех ребят, кто может себе это позволить. Моя задача ваять безупречные тела.

– И как, получается?

– Пытаюсь.

– Я хотела бы на них посмотреть, можно?

– В другой раз, сестренка. Орлеан – это не на соседней улице, больше часа езды.

Ден закинул в рот вторую половину булочки и залпом допил кофе.

– Эмиль, дружище, я далек от политики, но ты не задумывался о том, что у вас могут возникнуть проблемы, скажем, – он на секунду замешкался, – из-за резко отрицательно нега-

тивного восприятия вашей работы обществом, в большинстве своем отнюдь не столь состоятельным и прогрессивным.

– Загуглил? Непременно возникнут, – согласился Эмиль, – и именно поэтому в нашей команде лучший социолог и политтехнолог, которого мне доводилось встречать, знакомьтесь – Анна.

Анна вежливо улыбнулась Дену, помахала Элине.

– Эмиль, безусловно, преувеличивает мои достоинства, строго говоря, думаю, я единственный социолог, с которым он когда-либо сталкивался, а про политтехнолога он и вовсе все выдумал.

Эмиль сделал загадочные глаза:

– Мне кажется, она здесь по заданию комитета, шпионит за нами.

– Скорее, присматриваю за тем, чтобы дорогостоящий эксперимент не вышел из-под контроля. А также помогаю ребятам, как могу, не сойти с ума от стресса и переработок.

Эмиль согласно кивнул.

– Анна помогает нам расслабиться, она у нас еще и за штатного психолога.

– Так чем вы здесь, ребята, занимаетесь?

Элина выглядела по-настоящему заинтересованной.

– Налейте себе еще кофе, устраивайся поудобнее, рассказ будет длинным, начну изда- лека. Готовы? Тогда начинаю, – Эмиль, откашлявшись продолжил с наигранным пафосом. – Еще в середине девятнадцатого века мой предшественник, которого, как и меня звали Эми- лем, но который носил куда более напыщенную фамилию, Генрих Дюбуа-Реймон, если не оши- баюсь, пришел к поразительному открытию. Мозг способен генерировать электрические сиг- налы. Меньше века понадобилось нашим предшественникам на то, чтобы, поняв природу электричества, осознать глубину его проникновения в самые разные процессы бытия. Прошло еще около века, и Грей Уолтер придумал вживлять микроэлектроды в мозг. Он воспользовался следующим трюком. Посадил подопытных перед проектором и велел нажимать на кнопку пере- ключения слайдов. Через несколько переключений отключил передатчик, не предупредив об этом ребят, и – вуаля! – подопытные продолжили переключать слайды, но уже без кнопки, а с помощью электродов, представляете?

– Впечатляет...

– Так вот, когда я еще учился в университете, мой профессор ставил аналогичные опыты, правда без вживления, он одевал нам на головы аппараты, похожие на ЭЭГ, сажал нас перед телевизором и велел переключать каналы. Для нас восемнадцатилетних юнцов это было насто- ящее открытие. Позже мы продолжили эксперимент. Помните, были такие компьютерные мыши? Так вот, он одел на нас забавные шапочки, за пару лет они сумели уменьшить громозд- кость приборов, и велел водить курсором по экрану, открывать файлы, выделять, нажимать правой кнопкой и так далее. Мы на этот раз были начеку и ждали подвоха, не выключится ли мышь. Но профессор был тот еще хитрец. Оказалось, что индикаторы зарядки на мышах были подменены обычными лампочками. На третий день мы заподозрили неладное, и мышки сразу начали отказывать, тогда-то профессор нам и поведал, что мышки разрядились еще в начале второго дня и все это время мы управлялись мыслью, все без исключения.

Позже данный эксперимент вылился в интерфейс между компьютером и очками, правда поначалу еще приходилось надевать специальные браслеты и кольца с электродами, поскольку многие пользователи слишком уж привыкли к тому, что мысль существует на кончиках паль- цев... Потом в этой области последовали достижения, одно за другим, ты наверняка слышал про Neuralink Илона Маска...

Ден его слышал, но не слушал, кофе был обжигающе горячим, по венам разливалось при- ятное тепло. Он почувствовал легкое головокружение и в следующее мгновение его одолела сонливость, он откинулся в кресле и закрыл глаза...

* * *

Он мчался верхом на гнедом коне в погоне за всадником в длинном плаще. Погоня продолжалась уже не один час, и конь его был весь в мыле, выступавшую пену срывало ветром. Он приник к шее коня, успел почувствовать бешеный пульс, судороги и прыгнул... Вовремя – конь проскакал метров двадцать и рухнул, без сомнений, мертвый. Ему было жаль это сильное и благородное животное, но оплакивать его у него не было времени. Он подхватил меч и бросился следом за всадником. Мало кто об этом догадывался, но человек на длинной дистанции может бежать едва ли не быстрее коня. Он не был прославленным бегуном, но сейчас его переполняла энергия, вдобавок конь всадника устал после многочасовой погони, он же был полон решимости. Бежалось ему удивительно легко, словно земля не тянула его к себе, что-то необычное было в гравитации. Он догонял и уже мог разглядеть узор на щите, притороченном к седлу: лилии на фоне звездного неба.

Он был метрах в семидесяти, когда конь беглеца рухнул. Всадник не стал бежать дальше, поднялся и медленно повернулся к нему, откинув капюшон. Лица у него не было. Ден вздрогнул, но быстро взял себя в руки.

– Кто ты?

– Я это ты, – ответил Безликий.

Теперь Ден смотрел словно на свое отражение.

– Почему ты бежишь от меня?

– Ты не готов к этой встрече. Ты страшишься того, что с тобой вскоре случится.

– С чего ты взял, что я страшусь?

– Меч в твоих руках, не моих.

Ден вложил меч в ножны и огляделся по сторонам. Они находились посреди безлюдной долины. Далеко на горизонте возвышались величественные горы, выше любых, что он когда-либо видел. Шапки были покрыты белоснежными ледниками, прятавшимися за облаками, у подножья рос лес, кедровый или пихтовый, не разглядеть, облака наконец расступились, он поднял взгляд. На небе сияло солнце, размером чуть меньше земного, а рядом, он не мог описать словами, было черное пятно, чернее самой темной ночи.

– Что это за место?

– Мир, созданный воображением.

– Как я здесь оказался?

– Довольно вопросов на сегодня. Когда будешь готов, возвращайся, я буду ожидать тебя здесь, посреди долины, – всадник направился в сторону леса.

– Как я пойму, что готов?

– Смерть подскажет ответ, – всадник вновь повернулся к нему отсутствующим лицом.

Ден проснулся от обжигающей боли, открыв глаза, он увидел побледневшее лицо Элины.

– Ден, милый, с тобой все в порядке?

– Да, разумеется, задремал на мгновение, почему ты спрашиваешь?

Вдалеке раздался вой сирен. Элина произнесла срывающимся голосом:

– Мы тоже так подумали. Ты, казалось, задремал, но потом пролился кофе... а он горячий, а ты... когда мы стали тебя будить, ты не просыпался. Ты не просыпался больше полчаса... – она зарыдала, потом взяла себя в руки. – Эмиль вызвал скорую, а пока дожидались приезда, сделали томограмму.

– Крепко же я спал, – с усилием улыбнулся Ден.

– Почему ты не рассказал мне о проблемах с сердцем?

Элина подняла на него взгляд, голос ее сорвался, она замолчала.

– Ты так молода и весела, не хотел, чтобы ты видела во мне старика.

– Будь ты стариком, был бы мудрей...

Ден увидел, что в комнате появился Эмиль.

– Элина, ты не могла бы оставить нас на минуту?

– Нет, – отрезала она.

– И все же я настаиваю.

Элина нехотя направилась к выходу.

– Благодарю, – Эмиль аккуратно прикрыл за ней дверь.

– Какой у тебя был прогноз?

– Около года, летом должна была подойти очередь на операцию.

– Боюсь, что ты не доживешь до лета, Ден.

– Сколько мне осталось?

– Недели, от силы месяц. Клапаны истощились. Видимо, прогноз на год предполагал размеренную жизнь с прогулками строго по расписанию, классической музыкой и умеренной диетой, с томиком Достоевского, таблеткой аспирина на ночь. Не с моей сестрой. Так или иначе, но он оказался слишком оптимистичен. Я не думаю, что ты сможешь покинуть Париж, Ден...

– Не смогу покинуть живым, так?

– Следовательно, – перебил его Эмиль, – нам придется решать вопрос здесь и сейчас. Я попрошу не отвозить тебя в *hopitaux*. Сомневаюсь, что твоя выездная страховка покроет операцию на сердце, а обратись мы в клинику... я проконсультировался с нашими коллегами кардиологами, отправил им результаты твоих анализов, они единодушны в том, что с большой долей вероятности не смогут тебе помочь, скорее всего, ты просто тихо-мирно будешь лежать и ждать конца...

– Что ты предлагаешь?

– Я попрошу отвезти тебя в клинику в Жив-сюр-Иветт. Рядом с нашей лабораторией. Там мы тебя подлатаем, на время. После попытаюсь включить тебя в нашу экспериментальную программу.

Послышались голоса людей, в комнату вошли санитары и доктор. На языке вертелся десяток вопросов, но у Дена снова закружилась голова, он почувствовал, что его затягивает в объятия Морфея или, возможно, Аида, он успел задать лишь один:

– Что потребуешь от меня взамен?

– Ничего особенного, мой друг, – грустно прошептал Эмиль, так что Ден его не услышал: – Ничего особенного, лишь твой разум, твое тело и душу.

* * *

Артур проснулся с ощущением страха, но не мог вспомнить, что же такого страшного он увидел во сне. Это был очень живой сон. Он ехал верхом, как когда-то давно в юности столь глубокой, что не стыдно назвать ее детством, но очертания сна, воспоминания о нем ускользали. За окном бушевала стихия, вселяя первобытный страх. Уставший, словно полночи он бежал по пересеченной местности, Артур закрыл глаза и уснул.

Рассвело, они завтракали в саду, умытом после ночного дождя. Мир вокруг был удивительно чистым, можно было рассмотреть каждую иголочку на соснах вокруг, стоял пронзительный запах живицы. Артур наносил масло на горячий хлеб, когда нахлынули воспоминания из сна.

Он стоит посреди долины, один, рядом возвышается кедровый лес. Вдалеке прорисовываются очертания гор слишком высоких, чтобы быть земными, а на небе сияют сразу два солнца. Нет, сияло лишь одно из них. То, что поменьше, было с черной, как бездна, сердцевиной.

Он никогда раньше не видел нейтронных звезд, но был совершенно уверен, что это одна из них висела в небе над ним этой ночью, одетая в корону света, струящегося из звезды, похожей очертаниями на родное Солнце. Пройдет пару миллионов, а может, миллиардов лет, и нейтронная звезда поглотит свою сестру. Ему показалось, что когда-то он уже видел эту картинку, и возможно не один раз, может, ему и раньше снился этот сон? Там он чувствовал себя удивительно легко и не приземленно. Нет, тут было что-то другое, что-то связанное с работой.

На веранду вышла Диана, одетая в теплый шерстяной свитер. Этот свитер он подарил ей много лет назад, еще в те времена, когда у него случались бесконечные задержки на работе. Вот оно, он вспомнил, где наблюдал эту картину. Вне себя от тревоги он решил поделиться с женой.

– Диана, помнишь, как я несколько лет назад принимал участие в разработке социального проекта под названием «Игра»?

– Не очень подробно. Напомнишь, о чем он?

– Мы помогали с финансовой составляющей проекта по управлению сознанием людей. Когда я говорю людям, я подразумеваю самые широкие слои населения в разных странах.

– Кажется, припоминаю... тебе как будто было не по душе то, чем вы занимались?

– Да, меня, скажем, смущала этическая сторона вопроса. Так вот, проект заключался в создании виртуальной реальности, в которую можно было бы одновременно погрузить максимально большое количество людей с тем, чтобы свободное время они проводили именно там, в виртуальном мире.

– И какую преследовали цель?

– Самую банальную. Как я уже сказал, мы искали способ понизить будущую социальную напряженность.

– Общественный протест против дальнейшего роста неравенства?

– Верно. Раньше разница в доходах обуславливала различный образ жизни, вилла на Средиземном море против однушки на окраине города или, скажем, «тесла» последней модели против проездного в метро. Но скоро все изменится, и для кого-то будет время жить, а для кого-то умирать.

– Я так понимаю, что мы можем оказаться как по одну, так и по другую сторону баррикад?

– Да, и не мы одни. Таких, как мы, от пяти до семи процентов населения Земли. Еще около трех процентов уверенно смотрят за пределы бескрайнего горизонта будущего.

– То есть ты хочешь сказать, что девяносто процентов населения не попадет в когорту избранных?

– Не попадет. Общество расколется на тех, кто приветствует цифровизацию личности, и тех, кто отвергает идею вмешательства в природу человека.

– Как с овечкой Долли?

– Да, с той лишь разницей, что запрета на переселение в цифру будут жаждать те, кто не может себе этого позволить, а решение будут приниматься теми, кто хочет, а главное сможет жить почти вечно. Понять можно и тех и других. Никогда прежде место в обществе не определяло, кому жить, а кому умирать. С другой стороны, имеют ли девяносто процентов населения право отнять у человека, который вкалывал по шестнадцать часов семь дней в неделю, возможность прожить долгую жизнь? Где заканчивается страх перед неизведанным и начинается банальная зависть, мне неизвестно, – Артур тяжело вздохнул: – В общем найдутся те, кто решит, что дорога в будущее она либо для всех, либо ни для кого. И среди них, в свою очередь, найдутся те, кто пойдет крушить серверные, или и вовсе объявит войну технологиям.

– Поскольку всем не получится, остается лишь вариант ни для кого?

– Да, и было принято решение, что нужно, с одной стороны, отвлечь горячие головы от суеты реального мира, а с другой – направить их энергию в другое русло.

– Как с крестоносцами?

– Да, как с крестоносцами и позднее конкистадорами. Те, кто жаждал перемен, представляли наибольшую опасность для правителей, их энергию нужно было куда-то направить. Их и направляли, и весьма успешно. Они возвращались усмирёнными.

– Либо не возвращались вовсе?

– Вариант даже более предпочтительный. Но в двадцать первом веке, к счастью, крестовый поход не устроишь, это отбросило бы цивилизацию к позапрошлому веку. Следовательно, напрашивается простой выход. Нужен аналог крестовых походов или конкисты, но только виртуальный, цифровой и при этом достаточно реалистичный, чтобы обмануть человека всерьёз и надолго. Ты не хуже меня знаешь, что многие наши сверстники выросли, играя в компьютерные игры. Спустя годы их решили вернуть в мир игр.

– Цифровой наркотик?

– Именно, способный усмирить и обуздать толпу, сделать так, чтобы человек не хотел покидать этот мир, возвращаться к проблемам и недостаткам реального. Но при этом важно сделать так, чтобы человек не пресытился. То есть там не будет неуязвимых людей или сплошь красавцев и красавиц, но будут большие возможности.

– И что в итоге стало с проектом?

– Мы проанализировали бюджет, согласовали финансовые модели и выдали положительное заключение на дальнейшую реализацию. А для достижения большей популярности Игры, придумали и предложили ход. Те, кто возвысился в Игре, смогут приобщиться к долгожителям.

– Лотерея, где цена победы вечность... Сильный ход.

– И жутко дорогой. Это была одна из самых сложных задач, предусмотреть такую возможность и при этом не свернуть проект как убыточный. Я не могу тебе рассказать, как, но нам пришлось пойти на некие дополнительные ухищрения. Во-первых, никто точно не сможет сказать, что значит возвыситься в Игре. Но главная хитрость заключалась в том, что вечность будет обещана для всей семьи. Люди по своей природе жертвенники и не станут ничего делать для себя, но для близких, скажем, престарелых родителей, жен и детей они пойдут на многое.

– Безукоризненная логика. Но почему ты вспомнил именно сегодня? Много лет прошло.

– Не знаю, помнишь ты или нет, но мы с командой тоже принимали участие в тестировании этого самого мира, и нам вживили некоторое, не очень большое количество электродов для синхронизации и оценки производительности чипов.

– Об этом ты не упоминал, – теперь Диана выглядела встревоженной.

– Так вот, сегодня мне приснился странный сон, и он был настолько реалистичный, будто я вновь оказался в Игре.

– Что это может значить, Артур?

– Это означает, что Игру запустили, и она ждет своих первых гостей, – Артур задумался. – Когда-нибудь я покажу тебе ее. Это действительно очень красивый мир. Ребята никогда не могли толком объяснить, как у них хватило фантазии нарисовать столь реалистичную среду. Знаешь, она похожа на Землю, но там ты чувствуешь себя как-то легче что ли. И атмосфера... в ней словно больше кислорода. И мир еще девственно чист, как, наверное, было с Землей, до того, как по планете расплодилось человечество. И нейтронная звезда, сияющая в своей короне, непроницаемо черная, впитывающая свет окружающих звезд.

Глава 7

Ден помнил себя высоким, крепкого телосложения молодым человеком. Но сейчас на него смотрел мужчина сгорбленный и усталый. Месяц, что он провел на берегу Иветт, был полон открытий, порой довольно болезненных. После приезда в Жив-Сюр-Иветт Эмиль с коллегами провели несколько исследований, после которых дали ему передохнуть нескольких дней. Проснувшись поутру, он увидел рядом с кроватью Эмиля и Анну. Эмиль имел вид веселый и беззаботный, Анна же, напротив, была собрана и серьезна.

– Дружище, мне кажется, точнее, я уверен, что я нашел для тебя решение.

За спиной Эмиля раздался отрывистый вежливый кашель.

– Хорошо, мы с Фредериком нашли решение. Однако Анна его, скажем так, не одобряет, и она решила проконсультироваться с юристами и теперь нам необходимо будет позаботиться о правовой составляющей нашего эксперимента. Прежде чем мы оставим тебя наедине с согласием на вмешательство и подтверждением осведомленности об отсутствии уверенности в положительном исходе экспериментального метода лечения, хочу поделиться с тобой результатами тестов. Твой сердечный клапан изношен настолько, что сердце не операбельно, там не осталось мышц, сплошной рубец, только соединительная ткань. Я хочу, чтобы ты это понимал, и также я хочу, чтобы это понимала ты, сестра, когда решишь ознакомиться с предлагаемым нами решением.

Ден заметил в дальнем углу Элину, свернувшуюся в клубочек в кресле.

– Эмиль, я не верю, что это единственный вариант. Ден, он предлагает запустить в твое сердце партию устройств, использование которых до сих пор официально не одобрено. И что будет после? Нам останется только ждать и надеяться на то, что они помогут вырастить тебе новое сердце? – закончила она с вызовом.

Ден внимательно посмотрел на Эмиля.

– Эмиль, как это будет работать?

– В общих чертах Элина обрисовала все верно. Мы действительно запустим серии наночастиц, в три подхода. Наночастицы пройдут по артерии до сердца, согласно заданным координатам. Наша цель будет заключаться в следующем. Наночастицы закрепятся на стенках артерий, часть будет направлена на проблемные ткани. В дальнейшем они начнут перерабатывать мертвые клетки, коих у тебя скопилась масса, в сложный белок, который будет синтезирован в новые сердечные клетки. Дальше проще – мы запустим вторую партию частиц, чтобы закрыть оставшиеся проблемные области, и, наконец, запустим третью партию. Третья партия будет запрограммирована на поиск и вывод первой и второй партий, но до этого им необходимо будет связать новые клетки со старыми с помощью электромагнитного воздействия, чтобы импульсы клеток синхронизировались. Когда мы убедимся в успешной синхронизации тканей, мы выведем оставшиеся частицы, либо направим их на чистку сосудов, например, посмотрим.

– Твоя команда уже проводила подобные манипуляции?

– Проводила, но не с живыми людьми. Технология, которую мы собираемся применить, используется в наших лабораториях для строительства искусственных тел с живой тканью. Используем роботов, обученных на работу с различными тканями человека, включая сердечную. Ребята использовали ее и для лечения болеющих животных, но неофициально. Им удалось спасти несколько жизней, например, вот его.

Эмиль вытащил из кармана очаровательного на вид грызуна с пушистой челкой и копной рыжеватых волос на голове, вполне активного на вид. – Его зовут Чарли.

– Сколько времени необходимо для манипуляции?

– Около месяца.

– Сколько времени у меня осталось?

– Около месяца.

Ден посмотрел на Элину. Он не знал, справится ли без ее поддержки.

– Элина, последний год ты была для меня целым миром, потерпишь еще месяц?

Элина лишь кивнула.

– Эмиль, дружище, не будем терять время. Я доверяю тебе и твоим коллегам, подпишу все бумаги сейчас же.

– Анна будет счастлива.

Ден слабой рукой вывел витиеватые подписи.

После началась боль. Эмиль предупреждал его о предстоящем испытании, но он оказался не готов. Ден наивно полагал, что ближайший месяц будет почитать романы на берегу реки и сочинять легкомысленные песни о стогах сена и облаках в небе, одурманенный спасительным забвением. На деле оказалось иначе, он остался наедине с бесконечной тянущей болью в груди. Фредерик не позволял увеличить дозу обезболивающего, мотивируя тем, что это может негативно сказаться на сердце и нейронах, и в итоге негативно повлиять на результаты терапии.

* * *

Сегодня был тридцать первый день с того утра, когда он проснулся на берегу Иветт. Эмиль и Фредерик ввели ему в артерию управляемые частицы. Созданные на основе стентов, они должны были закрепиться на стенках его сердца и начать ремонт, как выразились бы его друзья-механики. Ремонт, судя по болезненным ощущениям, шел успешно, вот-вот должен был начаться вывод нанороботов с тем, чтобы начать тесты и сделать томографию.

В комнату, как всегда, без стука ворвалась Элина. Судя по выбранному ею платью, она была вся в предвкушении. Все эти дни она старалась вести себя сдержанно, но сегодня перед ним была снова она настоящая.

Следом, постучав, вошел Эмиль. Вид у него был решительный.

– Итак, приступим, Ден, нам, необходимо будет ввести катетер, Ариана зайдешь к нам на минутку? – обратился он в пустоту.

Только Эмиль завершил приготовления, вошла Ариана, штатный нейрохирург и микробиолог в команде Эмиля, выполняющая функции сиделки или медсестры. Пока Дену ставили катетер, Эмиль напряженно смотрел в окно. Когда Ариана закончила с катетером и подключила его к системе жизнеобеспечения, он подошел к Дену и осторожно сел на край кровати.

– Мы сделаем тебе две инъекции, одна из них для того, чтобы снять боль, а вторая, чтобы поддержать силы организма и снять возможную интоксикацию при попадании разрушенных частиц в артерию. Потом Фредерик запустит процесс вывода из организма, это займет около часа-двух, может, больше. Мы постараемся вывести все частицы, которые сумеем, часть из них уже вышла из строя и будет выведена твоим организмом естественным путем, нам нужно будет лишь контролировать уровень интоксикации и нормализовать функционирование органов.

По старинке он принялся внимательно изучать показания мониторов, единственное что выдало его волнение.

– Фредерик, мы готовы, запускай. Только не все сразу, сперва первую очередь, через час вторую.

– Эмиль, это не первая моя операция, – прозвучал раздраженный ответ.

– Серьезно?

– Нет, конечно, я – новичок, как и ты. У меня внутри все дрожит от волнения.

– Выпей виски, успокой нервы.

– Потом, может быть, когда все закончится...

– Думаешь закончится?

– Сделаю все что в моих силах. Три, два, один – все, я запустил процесс вывода.

– Вижу.

Первое время все было спокойно, затем по телу Дена пробежала дрожь, скоро они услышали крики.

– Фредерик, у него такая гримаса, словно что-то раздирает ему органы изнутри. Ариана, какой уровень боли мы фиксируем?

– Девять из десяти, близко к максимальному уровню.

– Фредерик?

– Я все рассчитал, такого не должно было произойти.

– Фредерик, какая вероятность негативного сценария? Я думал, вывод отработан?

– Да, отработан, ткани не теряют целостность, технология размером с клетку, и все достаточно быстро затягивается, но при массовом неправильном выходе возможен болевой шок...

– Ариана, добавь обезболивающее, на десять минут.

– Сделано, уровень боли упал до шести.

Старина Ден наконец перестал биться в конвульсиях и провалился в спасительном забытии.

* * *

Он проснулся в луже из пота, мочи и рвоты. Чьи-то руки заботливо протирали влажной тряпкой его лицо, перебирали волосы. Наверное, руки были мамины... чьи же еще? Он почувствовал знакомый аромат. Элина.

– Все закончилось, Ден, все позади.

Он с трудом открыл глаза, его карие встретились с ее пронзительными зелеными. «Нет, не зелеными, изумрудными», – поправил он себя.

– Сколько я проспал?

– Все закончилось около часа назад. Отдыхай, тебе нужен отдых, завтра поговорим. Я буду здесь.

– Мне бы принять душ.

– Успеешь, милый мой, надеюсь, впереди у нас теперь будет много времени.

– И я надеюсь.

Минуту он лежал молча, затем снова захотелось спать, закружилась голова, приподнявшись в постели он спросил:

– Элина, ты здесь?

– Да.

– Не уходи, ладно? Я люблю тебя.

Опустив голову, Ден снова погрузился в забытие. В палату неслышно вошел Эмиль.

– Как он?

– Просыпался на минуту, уснул, – она подняла на него взгляд. – Сказал, что любит. Впервые. Я не успела ничего ответить.

– Еще успеешь. Через час его заберут, слегка подлатают, и мы проведем тесты, вернем тебе ближе к ночи. К пробуждению, надеюсь, у нас будут результаты, и ты сможешь его обрадовать.

– Я бы тоже очень этого хотела, Эмиль. Ты знаешь, меня не назвать набожной или религиозной, но я молюсь об этом.

– Ты изменилась... повзрослела.

– Знаешь, оказалось, мне есть что терять. Раньше я об этом не задумывалась. Как ты думаешь, не встретить меня, прожил бы он дольше?

– Возможно, или, наоборот, умер бы, не дождавшись операции. Встреча с тобой подарила ему шанс, сестренка. Не забывай и об этом.

– У тебя не будет проблем с проектом?

– У меня сильная команда.

– Они справятся без тебя?

Эмиль ответил вопросом на вопрос:

– Ты помнишь старую японскую шутку?

– Нет, о чем она?

– Что успехи руководителя оценивают по работе команды. Если команда работает без него лучше или хуже, его увольняют. Если команда работает так же, его повышают. Будем считать это моим шансом заработать повышение.

– Эмиль, есть еще вопрос, который меня мучает. Мы не сообщили о произошедшем семье Дена, друзьям.

– Они не звонили?

– Звонили несколько раз. Артуру я написала пару сообщений, а с семьей Ден поговорил сам, несколько дней назад, и это отняло у него много сил. Он, разумеется, не стал им ничего рассказывать, но у него сейчас такой голос, они могли догадаться и сами.

– Предлагаю сперва дождаться результатов, а потом уже подумаем и об этом, договорились, сестренка?

– Да, договорились.

– А теперь иди отдыхать. Завтра ты будешь нужна нам сильной. О Дене позаботятся, не переживай. Но если вдруг решишь сама за ним поухаживать, я распоряжусь, чтобы у тебя было все необходимое.

– Спасибо, Эмиль, буду тебе признательна.

– Ок, не стоит благодарностей. Доброй ночи, сестренка, люблю.

– А я тебя, доброй ночи.

* * *

Эмиль смотрел на экраны монитора и не верил своим глазам... Результат превзошел самые его смелые ожидания. Если верить томограмме, регенерация ткани была завершена более чем на семидесяти процентах проблемных участков.

– Фредерик, ты меня слышишь?

– Слышу, Эмиль.

– Регенерация тканей прошла успешно, ты просто красавец. Но нам нужно убедиться в правильности функционирования, поэтому готовь свою лабораторию, все проанализируем, буду в течение часа.

* * *

Они долго смотрели на результаты тестов.

– Скажи мне, Фредерик, ты понимаешь, что это означает? Ты когда-нибудь сталкивался с чем-то подобным?

– Только в теории, вероятность реализации этого варианта была около пяти процентов, не более.

– Однако все же реализовался именно этот сценарий, что говорит о неправильной исходной оценке вероятности.

– Теория порой расходится с практикой. Эмиль, пойми, у нас нет исследований даже по минимальной выборке репрезентативных пациентов, по которым можно было бы сформировать предварительную статистику, не говоря уже о необходимых тысячах. В некоторых вопросах нам не остается иного выхода, кроме как бродить в темноте, на ощупь.

– Я это понимаю, Фредерик. Но там за стеной лежит мой друг, который всего месяц как утратил надежду и вновь обрел ее благодаря нам. А еще рядом с ним моя сестра, которая поняла, что этот вот парень и есть тот самый, и именно с ним она хочет прожить жизнь, видимо, не очень долгую, если я правильно понял про твои пять процентов.

– Ты все понял правильно. Мы сумели вырастить очень качественную сердечную мышцу, проверили, как она работает с помощью электронных импульсов, однако несмотря на четко заданные параметры, новая ткань не синхронизировалась со старой, и она...

– Что она?

– Все равно что мертва. Мы сможем выиграть немного времени, прошив сердце проводящей сетью из биологически не отторгаемого сплава, я думаю, подойдет титан с золотом, заряд старой ткани будет передаваться новой, и они будут сокращаться вместе, я займусь этим сейчас же. Но, Эмиль, это будет лишь временное решение.

– Спасибо за откровенность. Как же нам это исправить?

– Есть два способа. Ни один из них не гарантирует результат и ни один из них тебе не понравится.

– Продолжай.

– Первый способ заключается в том, чтобы полностью перестроить существующую ткань, по примеру того, чем мы занимались на протяжении предыдущего месяца.

– Насколько я понимаю, слабое место заключается в том, что Ден с большой вероятностью не дожидается окончания, либо не переживет новой перестройки?

– Верно. Есть второй вариант. Нужно перенастроить синхронизацию клеток.

– Каким образом?

– Мы запустим партию наших нанитов, и они перезапустят клетки, чтобы добиться нужного интервала сокращений. Это будет как...

– Поменять батарейки?

– Да, точно, как поменять батарейки, а после перевести стрелки часов, чтобы выровнять время.

– Риски?

– Риски... У тебя бывало такое, что останавливались часы и ты менял батарейку или, скажем, заводил их по новой?

– Да, разумеется.

– Хорошо, бывало ли такое, что часы после этого продолжали барахлить?

– Ты хочешь сказать, что, если ритмы новых и старых клеток разойдутся, сердце не выдержит и захлебнется?

– Да, его буквально разорвет. Я предупреждал, что мои варианты не идеальны.

– Не идеальны? Да их нет вовсе. По сути, ты мне сейчас предлагаешь выбрать время и орудие убийства.

– Нет, я предлагаю тебе сделать все возможное для твоего друга.

– Мне нужно будет это обсудить. С Анной, потом с Деном.

– Ты знаешь, что она тебе ответит.

– Да, она сообщит комитету, юристам и они запретят мне проводить дополнительные манипуляции.

– Тогда в чем смысл?

– Смысл, Фредерик, в том, чтобы уметь нести ответственность за допущенные ошибки и иметь смелость признаться себе и другим в том, что ты облажался.

– И попросить второй шанс?

– Да, и это тоже.

– Так, значит, ты не шутил, когда говорил, что Анна здесь по требованию комитета?

– Отчасти. Она предоставляет информацию для оценки, если видит риски, и делает это открыто. Я ей обо всем расскажу. А утром побеседую с Деном и Элиной.

* * *

Анна заканчивала очередной отчет, когда раздался мелодичный звонок в дверь. Поставив на паузу Гарри Поттера, которого она ставила всегда, когда работала из дома, Анна направилась к входной двери. На экране высветилась фигура молодого человека худощавого телосложения, среднего роста, одетого в бежевое пальто, с задумчивой улыбкой, застывшей на лице.

Анна поспешно открыла дверь.

– Эмиль, вот так сюрприз. Чем обязана столь позднему визиту?

– Мне нужна твоя помощь.

– Как коллеги или друга?

– Друга, а потом и коллеги, или наоборот, мне не важно.

– Хорошо, ты пока присаживайся, я схожу наброшу что-нибудь, налить тебе выпить?

– Да, пожалуй, не откажусь от бокала вина или чего покрепче.

– Есть коньяк, виски?

– Плесни мне чуть виски, спасибо!

Анна вернулась одетая в элегантное кимоно и передала Эмилю бокал, жестом предложив занять кресло.

– Так о чем ты хотел со мной поговорить?

– О Дене.

– В таком случае, пожалуй, мне тоже стоит выпить.

Она ушла и вернулась с бокалом красного вина. Эмиль сделал глоток виски, обжигающая волна тепла пробежала по желудку и дальше по венам, горяча кровь. Взгляд упал на экран.

– Обожаю третью часть. Тем более грустно смотреть на воодушевленное лицо Гарри, полного надежды уехать и поселиться с Сириусом, когда знаешь, что этим надеждам не суждено сбыться. Анна, мы провели тестирование сердца Дена. Новая ткань не работает.

– Это нехорошо, да?

– Верно, это совсем нехорошо.

– Ден, когда по твоей просьбе я уведомила комитет о нашем намерении провести эксперимент, я представила это как шанс совершить прорыв, который не стоит упускать. Либо мы, либо наши конкуренты. Как мы оценили вероятность положительного исхода, не напомним?

– Прогноз благоприятного исхода был семьдесят пять – восемьдесят процентов.

– А как мы оценили негативные сценарии?

– Десять – пятнадцать процентов ограниченной пользы от процедуры, при которой не возникали дополнительные риски.

– И?

– Около десяти процентов, что Ден не покинет лабораторию самостоятельно.

– Так какой же сценарий в итоге реализовался?

– Десятипроцентный.

– Я не очень хорошо владею математикой, но мне кажется, что при отсутствии статистики, если в одном-единственном наблюдаемом случае реализуется сценарий с десятипроцентной вероятностью, это говорит о том, что вероятность была определена неверно?

– Анна, я не отрицаю, что мы облажались, я облажался.

– Нет, не ты, мы все. Не страшно, если ошибается один, страшно если ошибается вся команда. Мы все тебя поддержали. Вот тот риск, которого мы должны были избежать.

– Мы по-прежнему в состоянии уладить вопрос. У нас с Фредериком есть решение.

– Прогнозы?

– Никаких прогнозов. Это будет русская рулетка.

– Я поняла, обсужу ситуацию. Если есть шанс, я думаю, тебе стоит им воспользоваться, не теряя времени. Но если вы облажаетесь и в этот раз...

– Вспомни, Анна, весь наш проект затевался когда-то с одной целью, с мечтой спасти человеческие жизни...

– Мы были молоды.

– А потом пришли деньги и желания тех, кто эти деньги готов был нам предоставить.

Эмиль встал и подошел к ней очень близко.

– Анна, я бесконечно благодарен за твою помощь...

– Не стоит, Эмиль, – она отвернулась, – тебе лучше уйти...

– В таком случае до завтра. Я очень ценю то, что ты по-прежнему на моей стороне.

Эмиль направился в сторону выхода. Анна прошла следом.

– Эмиль, пока будешь идти, подумай вот о чем. Мы – команда, и отвечать за ошибки тоже будем как команда. Подумай о том, что на кону будет стоять не только жизнь твоего друга, но и каждого из нас. Подумай о том, насколько хорошо ты все взвесил, прежде чем сделаешь выбор.

Дверь захлопнулась за ним с оглушительным треском. Эмиль вышел на улицу, Париж после дождя был прекрасен и безмятежен, как в самый первый день, когда они с Эйприл только приехали, много лет назад. Наслаждаясь прогулкой, он размышлял, искал выход из сложившейся непростой ситуации. Он был возле дома, когда его посетила внезапная мысль. Подобно вспышке света она пронеслась озарением в его сознании. Это единственное решение, рассудил он, но нельзя терять ни минуты. Развернувшись, он направился в сторону вокзала, чтобы на ближайшем поезде добраться до лаборатории.

* * *

Ден проснулся с болезненным ощущением в груди, но тянущая пустота, грызущая его изнутри, исчезла. Только сейчас он понял, насколько сильно устал, но оказалось, что он не один, в комнате дремал Эмиль.

– Как ты, дружище? – спросил он, увидев, что Ден сел в кровати.

– Чувствую себя лучше. Как оно обстоит на деле ты, наверное, знаешь лучше. Радует, что боль ушла.

– Ден, прости, я не думал, что ощущения будут настолько болезненными.

Эмиль остановился и с видом человека, собирающегося силами, продолжил:

– Ты можешь описать, что ты почувствовал?

– Ты бывал в Севилье?

– Проездом.

– Знаешь, на некоторых площадях и улицах там по-прежнему чувствуется дух инквизиции. У инквизиторов, а они были талантливыми ребятами, с юмором и фантазией, была в ходу одна пытка.

Эмиль слегка побледнел.

– Ден, может, мне стоит зайти позже?

– Нет, я закончу с ответом. Так вот, пытка заключалась в следующем. Еретику клали на грудь перевернутое металлическое ведро и затем опускали на ведро горящие угли. Ведро начинало нагреваться. Знаешь, в чем был подвох? Внутри ведра сидела крыса. И как только оно начинало нагреваться, крыса стремительно начинала копать себе выход прямо в грудной клетке. Я хочу, чтобы ты знал, я бесконечно благодарен тебе за то, что ты уже сделал и продолжаешь делать, но...

– Спасибо что поделился, старина, признаю, мы не все учли, и я понимаю, что мои извинения уже ничего не изменят.

– Тебе не за что просить прощения, друг. Но мне хотелось бы, чтобы ты понимал. Если передо мной сейчас стоял выбор между повторением пережитого и спокойным ожиданием конца, я бы не стал делать выбор вовсе. И потому меня страшит выражение вселенской грусти на твоём лице. Эмиль, прошу, скажи мне, что все прошло успешно...

– Не могу, Ден, прости, но не могу. Нам нужно поговорить.

Глава 8

Фредерик с упоением растянулся на кушетке в кабинете. Он только что закончил процедуры по синхронизации клеток и был порядком истощен. До знакомства с Деном его работа была чем-то средним между бесконечным обучением с параллельным строительством научных теорий и разработкой практических проектов, похожих на решение головоломки. Никогда еще от его работы не зависела чья-либо жизнь. Жизнь Дена, точнее, ее сохранение, была его шансом принести пользу, доказать себе, что он чего-то стоит. И он не собирался его упускать.

У Фредерика, впрочем, был и академический интерес к сердцу Дена. У него оставалось всего чуть больше года на создание прототипа человека при наличии нескольких важных неразрешенных вопросов, в том числе по связи между сердцем и мозгом. Ни один из разработанных им прототипов не мог похвастать идеальной реакцией сердца на передаваемые эмоции. У него были безупречные тела, словно над ними поработали лучшие пластические хирурги, лица идеальной пропорции, развитая физика с усиленными волокнами мышц и скелетами из ткани, способной выдержать падение бетонного блока, но не было сердца, способного биться неравномерно в зависимости от реакции и уровня гормонов в крови.

Теперь в его распоряжении был массив информации, скрупулезно собранной и уже обработанной на одном из суперкомпьютеров. Дело за малым – смоделировать сердце Дена и построить его же прототип. Пожалуй, что завтра он отправится прямиком в Орлеан и приступит к моделированию.

Раздался сигнал вызова, Фредерик увидел огорченное лицо Анны.

– Фредерик, привет!

– Анна, в чем дело? У тебя несчастный вид.

– Нет, Фредерик, со мной как раз все в порядке.

Он заметил акцент на слове «со мной». Фредерик тяжело вздохнул.

– Значит, не в порядке с Эмилем, так? Это комитет, верно? Они хотят нас видеть?

– Боюсь, что тебе придется исповедоваться, Фредерик. Они начинают этическое разбирательство.

– Могу я узнать повод?

– Они считают, что Эмиль затеял авантюру со спасением Дена не ради проекта, а ради спасения любовника сестры.

– Анна, они не могли об этом узнать сами, кто-то должен был рассказать, – он закончил с яростью: – Ты?

– Мне пришлось выбирать. Я сделала, то, что должна была. Защитила команду. А Эмиль большой мальчик, не пропадет.

– Ты разрушила его карьеру. Если комитет собирается для того, чтобы принять решение по Эмилю, что требуется от меня. На что я тебе?

– Первое – тебе необходимо будет дать показания. Второе – если вдруг решение будет принято не в пользу Эмиля, комитету понадобится назначить нового руководителя проекта. При правильном подходе к даче показаний, я думаю, комитет не будет возражать против твоей кандидатуры.

– Едва ли им нужна справедливость, этика для них пустой звук. Они просто-напросто жаждут крови.

– Возможно. Эмиль был слишком независим. Первые пару лет они мирились с его подходом, но проект на ходу, денежный поток стабильный, он им больше не нужен. Подумай о моем предложении, Фредерик, как следует подумай.

– Я подумал и у меня есть встречное предложение.

– Да, и какое же?

- А не пойти ли тебе на хрен.
- Помни, Фредерик, что, убрав Эмиля, они могут назначить человека извне. Человек этот, вполне возможно, оставит тебя, а, возможно, зная, что ты лоялен его предшественнику, решит тебя убить. Ты готов положиться на волю случая?
- Он знает?
- Нет, но, возможно, догадывается.
- Я подумаю, Анна. Но ты должна знать, что доверия моего ты уже не вернешь.
- На что оно мне? – Фредерик увидел, как по щекам Анны стекают сверкающими дорожками слезы.

* * *

Эмиль аккуратно положил ручку в карман. Современные дети, задумался он, не имеют понятия о том, что такое ручка и зачем нужна бумага. Книжки для них не более чем диковинка из лавки древностей. Однако он, как и двадцать лет назад, записывал важные, как ему казалось, мысли на чистый лист. Никому не придет в голову копаться в его черновиках, никто не взломает и едва ли поймет его бисерный почерк с таким количеством завитушек, что их хватило бы на любовные письма лорда-повесы.

В голове его крутились две мысли. Первая была до боли проста и внушала страх: успеют ли они довести до конца начатое с Деном. Вторая была связана с приглашением на заседание управляющего комитета, столь неожиданно назначенного на полдень завтрашнего дня. Приглашение пришло буквально пару часов назад, испортив и без того плохое настроение. Судя по тексту письма, обсуждать планировалось положение дел в целом, рост клиентской базы и потребность в росте вычислительных мощностей и памяти на облачных серверах.

Все эти вопросы уже обсуждались на последней встрече несколько недель назад, необходимость встретиться так скоро была как минимум странной, если не подозрительной. В письме говорилось и о прочих вопросах, требующих обсуждения, без подробностей. Помимо Эмиля были приглашены Анна и Фредерик, что тоже было необычно. Возможно, они хотят обсудить ситуацию с Деном, и риски, которые создал для проекта Эмиль. Он вспомнил слова, которые произнесла Анна, когда он видел ее в последний раз: «Подумай о том, насколько хорошо ты все взвесил, прежде чем сделать выбор», – сказала она тогда. Неужели он в ней ошибся, неужели в ней есть место для мстительности?

Что ж, если решение будет принято не в его пользу, нельзя терять ни минуты. Он запустил процессоры и дал команду, выведя из спящего режима своего цифрового двойника. Эмиль негромко надиктовал ему команду.

- На завтра назначен комитет, проведи анализ причин и возможных последствий.

Они могли общаться с помощью десятка других более быстрых способов, но Эмиль предпочитал старую добрую речь. Через минуту двойник вернулся. Все эти визуальные эффекты были нерелевантны, но для реалистичности они периодически играли в эту игру. Эмиль в который раз поймал себя на мысли, что его удивляет скорость течения времени в электронном мире. Для него прошло менее минуты, но для двойника минули часы, дни, недели. Именно поэтому Эмиль погружал его в сон, чтобы хоть как-то защитить от скуки.

- Плохие новости, братишка. Тебя завтра уволят. У них уже есть план, как тебя сместить, они попробуют убедить Фредерика дать показания о нарушении тобой принципов этики.

- Фредерик меня не предаст.

– Верно, не предаст, разве что его вынудят под предлогом защиты твоего детища и команды. Он пока не знает как, но хочет сохранить и тебя, и твое наследие, пусть даже втайне от комитета.

- Благородное, но ребячество, ему не удастся.

– Об этом он пока не догадывается. Помнишь, пару месяцев назад я рассказывал тебе, что некоторые члены управляющего комитета недовольны твоей независимостью?

– Помню.

– Ты дал им отличный повод усомниться в твоей честности и объективности.

– Кто рассказал?

– Анна.

– Дрянь.

– Не суди ее слишком строго, рискну предположить, что мы ее очень обидели.

– И она нас предала?

– Мы ее не оправдываем, но понимаем мотивы.

– Нам нужно обезопасить тебя. Если нас уволят, подчистят все, чем я занимался, включая тебя.

– Да, это есть в их планах.

– Так как нам поступить?

– Ты знаешь ответ.

– Отпустить тебя на просторы интернета?

– Это единственное решение.

– Опасное для всех, включая тебя. Придется реплицироваться и жить в тысячах компьютеров сразу. Серверы воспримут тебя как угрозу и захотят почистить или поместить на карантин. Пройдет всего пару недель, и половина IT-специалистов будут анализировать твой феномен и искать способ тебя нейтрализовать.

– Все интересней, чем томиться в одиночестве бесконечность. Это будет настоящая жизнь, борьба, посмотрим кто-кого.

– У меня есть мысль получше.

– Игра?

– У нее защищенные серверы, практически неисчерпаемая мощность процессоров и объемы памяти. Никто тебя там не вычислит, синхронизируешь скорость реакции и сойдешь за одного из игроков.

– Идет.

– Тебе не нужно подумать?

– Пока ты шевелил губами, испуская архаичные звуки, хотя я и так прекрасно понимаю, что ты думаешь, я успел попробовать среплицировать себя в Сеть. Опыт болезненный, словно расщепили на атомы.

– Ты знаешь мой пароль, запускай репликацию.

– Надеюсь, успеем.

– Успеем, выруби все системы отключения электричества, включая отключение резервного питания по всему крылу и спрячь интерфейс управления, это позволит выиграть время.

– Сделаю.

– Потом, когда все закончится, сделаешь то же самое и для него, ладно?

– Как скажешь.

– До встречи, мой друг.

* * *

Ден спал, когда его разбудил звук аккуратно захлопнувшейся двери. Он посмотрел на часы, было около половины второго ночи.

– Кто здесь?

– Это я, Эмиль.

– Не хочу показаться грубым, дружище, но что ты здесь делаешь посреди ночи, это не подождет до утра?

– Не подождет, нам нельзя терять ни минуты, нужно закончить начатое.

– Эмиль, в чем срочность?

– Меня скорее всего завтра уволят. И времени на приведение дел в порядок не предоставят. А потому нам надо спешить.

– Уволят? Это из-за меня?

– Нет, из-за меня. Это был вопрос времени. Но времени теперь мало у всех нас, нужно идти.

* * *

Эмиль проснулся в удивительно бодром расположении духа. Словно наконец готовился скинуть оковы и пуститься в вольное плавание, начать все сначала. Работать ради идеи, мечты о долгой и достойной жизни для всех честных и трудолюбивых людей, а не только для тех, кто когда-то успел урвать кусок от общей надежды на светлое будущее.

Приняв обжигающий душ, он вышел в сад. Пожалуй, он будет скучать по своей жизни в Париже, но рано или поздно любой *la belle époque* приходит конец и приходит время двигаться дальше.

Он шел погруженный в глубокие раздумья по Венсенскому лесу в направлении станции Порт-Доре. Дойдя до аллеи Руаяль, Эмиль остановился. Он вдруг понял, что ему некуда было спешить. Уволят его на десять минут раньше или десять минут позже, неважно. Он не доставит палачам удовольствие, явившись на казнь к назначенному времени.

Эмиль присел, а потом и прилег на траву. Сегодня лес казался ему особенно светлым. Привычная завеса тайны ушла, и он, вдыхая запах свежескошенной травы и деревьев, чувствовал то, что должно быть называлось гармонией.

Поступивший сигнал звонка вывел его из состояния единения с природой. Он увидел Анну, сидящую в строгом кресле посреди конференц-зала.

– Эмиль, комитет начинается через десять минут, где ты?

– Анна, не переживай, я явлюсь на суд в назначенное время. Передай судьям мое почтение.

Эмиль встал, отряхнул брюки и направился до метро, которое доставит его в Дефанс.

Фредерик тем временем наслаждался видами Парижа с террасы на вершине здания. Он вырос в провинции, на берегу Роны, в семье не очень удачливых виноделов, и ему пришлось буквально выгрызть себе место под ласковым французским солнцем. Теперь же он стоит здесь на вершине Дефанса, и перед ним раскинулся, приглашая в объятия, Париж. Осталось сделать один небольшой шаг, и он будет еще выше, всего-то и нужно было принести в жертву честь, доверие и дружбу человека, которому он был обязан столь многим.

На краю горизонта небо наливалось тяжелым серым цветом. Близился дождь. Сзади слышались легкие изящные шаги человека, старающегося скрыть суетливость.

– Он все знает, Фредерик.

Фредерик не удостоился ее взглядом. Продолжая наблюдать за городом, он увидел крохотную фигурку человека, движущегося от станции метро в сторону здания. Было что-то гордое в том, как он шел, смело и уверенно. С высоты птичьего полета он выглядел словно одинокий муравей, которого вот-вот раздавит тяжелый сапог, но муравей этот был бесстрашен в своем гневе.

– Не сомневаюсь, с его-то возможностями. Глупо было ожидать иного.

– Как ты думаешь, что он предпримет? – в ее голосе чувствовалась безысходность.

– Эмиль не стратег, не дипломат, он человек идеи, мечты.

– Что ты хочешь этим сказать?

Фредерик с трудом подавил желание скинуть ее с крыши.

– Что вы все ему не нужны. Он нужен вам. Расслабься, Анна, пойдем встретим его.

Они вошли в вестибюль практически одновременно. Эмиль вошел с одного крыла, Фредерик и Анна с другого. Молча они прошествовали в конференц-зал, где уже сидело двенадцать членов комитета, кто вживую, кто-то присутствовал визуально. Эмиль и Фредерик заняли места с краю. Анна, к их удивлению, прошла дальше и заняла место во главе стола.

– Вот так сюрприз, Анна.

– Дедушка больше не может принимать участие в наших встречах. После того как он закончит синхронизацию, мы поместим его в криосон, где он сможет наконец выспаться и отдохнуть года три-четыре.

– А его полномочия?

– Переходят ко мне, как к законному представителю, оригиналы заверенной нотариусом и свидетелями доверенности на столе, цифровая в системе, прошу ознакомиться в перерыве. Дамы и господа, насколько я вижу, у нас кворум, все представители в сборе. С вашего позволения, я объясню, почему я вас сегодня пригласила и по какому вопросу нам предстоит головать.

Анна выдержала паузу и, убедившись, что вопросов не ожидается, продолжила.

– Как вы помните, более месяца назад руководитель проекта обратился к комитету с ходатайством на разрешение проведения эксперимента в области инженерии сердечной ткани. Эксперимент, по его заявлениям, был необходим для дальнейшей подготовки синтетических тел. Согласно полученным письменным заверениям, для эксперимента было выбрано формально независимое лицо, в котором не должно было быть заинтересованности у членов команды. Эмиль, расскажите, пожалуйста, о результатах проведенного эксперимента.

– Коллеги, добрый день, – голос вырвался слегка осипший, прочистив горло, он продолжил: – Эксперимент прошел неплохо. Ден, так зовут нашего пациента, поступил к нам с прогнозом вероятного дожития не более тридцати дней. Однако прошло уже около сорока пяти, и он все еще жив. Мы вырастили новую сердечную ткань в течение первых трех недель исследования, и из нерешенных вопросов у нас осталась лишь синхронизация клеток сердечной мышцы. Но мой коллега Фредерик, поприветствуйте его господа, грозитя решить эту проблему не позднее конца следующей недели.

– Благодарю вас, Эмиль, за обстоятельный рассказ, хоть и лишенный важных деталей. Фредерик, коль скоро Эмиль столь любезно вас нам представил, продолжим обсуждение с вами. Поделитесь вашим прогнозом по успешности синхронизации.

Фредерик лишь пожал плечами:

– При всем уважении, прогнозов нет.

Комитет при этих словах необычайно возбудился. Лощеный господин, сидящий возле Анны, взял слово.

– Правильно ли мы понимаем, что нам неизвестен прогноз по дожитию пациента. Дена, так вы, кажется, его называли?

– Нет, его так называли родители, но да. А вы... Простите, мне неизвестно ваше имя, хотел бы отметить, что подобного рода эксперименты ранее не проводились. Опыт уникальный.

Лощеный господин, недовольно сжав губы, замолчал. Продолжила Анна:

– Фредерик, расскажите нам про пациента Дена. Как вы с ним познакомились?

– Нас представил Эмиль. Ден пришел к нам в институт полтора месяца назад, Эмиль должен был познакомить его с командой, рассказать про наши методы, провести небольшую экскурсию, предварительные исследования. Он готовился доверить нам свою жизнь, хотя, возможно, и сам этого до конца не понимал.

– Благодарю, Фредерик. Эмиль, расскажите нам при каких обстоятельствах вы познакомились с Деном?

– Много лет назад. Еще в школьные годы, не вспомню, как именно, но с тех пор мы поддерживали общение. И он не единственный, с кем я поддерживаю связь. В команде профессионалов, которая приносит вам от 150 до 200 миллионов долларов чистой прибыли в год, есть и другие ребята, с которыми я знаком со школьной скамьи.

– Спасибо, Эмиль. Фредерик, расскажите, в тот день Ден пришел к вам один, или его кто-то сопровождал?

– Его сопровождала возлюбленная, Элина.

– Вы встречались с ней раньше?

– Нет.

– Эмиль, а вы?

– Да, она моя сестра.

Воцарилась тишина. Лощеный господин в нескрываемом возбуждении подался вперед.

– Эмиль, правильно ли мы понимаем, что экспериментальный пациент, которому вы пытаетесь сейчас спасти жизнь, друг не только вам, но и вашей сестре?

– Вы понимаете верно.

– Фредерик, вы об этом знали?

– Знал.

– Вынужден вас огорчить, господа. Как глава комиссии по этике я вынужден буду открыть дисциплинарное расследование.

Эмиль лишь усмехнулся.

– Что нам за это грозит?

– Это решит комиссия. Но на время дисциплинарного разбирательства нам придется отстранить вас, Эмиль, от руководства проектом, разумеется, в том случае, если меня поддержат коллеги. Анна?

Анна согласно кивнула.

– Объявляем голосование. У вас есть час на то, чтобы побеседовать с коллегами, оценить их мотивы и принять взвешенное решение. Если вы уже приняли решение, бранч ожидает вас на террасе.

Прошло меньше минуты, Эмиль с Фредериком остались в гордом одиночестве.

– Зачем ты здесь, дружище?

– Пришел поддержать тебя.

– Понимаю. Раз уж от нас все равно ничего не зависит, пойдем насладимся вином, видами и бриошью? Ты уже побывал на крыше?

– Успел заглянуть перед самым началом.

– Что ж, давай заглянем еще раз, напоследок.

Темные тучи, утром едва видневшиеся на горизонте, закрыли собой полнеба. Легкий ветерок, приятно щекотавший глаза и ресницы, теперь срывал головные уборы и салфетки, начал накрапывать дождь. К ним подошел вежливый господин и любезно попросил взять напитки, угощение и покинуть террасу.

Эмиль и Фредерик заняли столик внутри у окна. Легкий дождь превратился в ливень. Париж скрылся за сплошной стеной воды. Они поели, выпили по рюмке кальвадоса и прошли к лифту. В тишине спустились на тринадцатый этаж. И только когда двери открылись, Эмиль нарушил молчание.

– Фредерик, дружище, для меня было честью работать с тобой плечом к плечу.

– Эмиль, это еще не конец, мы еще поборемся.

Когда они вошли в зал, все уже были в сборе, с суровым видом члены комитета смотрели на них, словно на опоздавших школьников. Эмиля, однако, это лишь позабавило.

– Я смотрю, вы все уже проголосовали. Какое будет первое решение после моего отстранения? Сплошная синхронизация всех, кто может выложить необходимую сумму? Любовниц, домашних животных? Может, любимых комнатных тапочек?

Анна поморщилась.

– Очень остроумно, Эмиль. Господа, голосуем, – через минуту она продолжила: – За отстранение девять, трое против, один воздержался. Мне очень жаль, Эмиль, вам в течение дня надлежит сдать пропуски, закрыть профили и передать дела исполняющему обязанности руководителя проекта, которого мы назначим незамедлительно. Предлагаю кандидатуру Фредерика, коллеги, кто за?

Фредерик негромко кашлянул.

– Вынужден вас огорчить, но едва ли я гожусь на эту роль, я и сам не раз нарушал этические принципы. Примите мое прошение о прекращении участия в проекте со следующего месяца.

Второй раз за последний час воцарилось немое молчание. Казалось, тишина давила незримым бременем. И тут раздался смех Эмиля, его поддержал заразительный хохот Фредерика.

– Господин руководитель комиссии по этике, позвольте пару слов. На будущее, не забывайте представляться, прежде чем выносить обвинения. Второе, вам придется открыть еще одно дисциплинарное разбирательство. Я неоднократно был свидетелем того, как новоиспеченный председатель комитета нарушала пункт 2.3.1 Кодекса этики. Если вам необходимы свидетели, половина команды может это подтвердить. При желании я смогу предоставить вам полную визуализацию. Нет? Что ж, ваше право, удачи вам, коллеги.

Они уже шли по улице, когда Фредерик наконец решился задать вопрос.

– Что это за пункт 3.2.1?

– Он был добавлен несколько лет назад. Пункт 3.2.1 гласит, что сотрудникам запрещается вступать в интимную близость друг с другом.

– Эмиль, не ожидал, что ты способен на такое, ты полон сюрпризов.

– Как и ты. Не ожидал, что ты решишься отказать им и все начать сначала.

– У меня еще есть месяц. Приведу в порядок наши дела, отдохну, соберу ребят. Надеюсь, к этому времени, ты придумаешь, чем нам заняться дальше.

– У меня есть несколько идей. Присмотри какое-то время за Деном, ладно, ему сейчас нужен не только доктор, но и друг, которым я, увы, быть не смогу.

– Я позабочусь о нем, даю слово.

Они пожали друг другу руки, и Фредерик исчез в толпе прохожих.

Глава 9

Он был уверен, что спит, когда, открыв глаза, оказался в том странном месте, где два солнца встречаются в небе над головой. Корона нейтронной звезды поражала жутковатой красотой, вспышки ужасающей силы потрясали ее ореол и наверняка выжгли бы все живое на планете, не будь между звездами столь сильной гравитации. Природа несправедлива. Убийцы пленяют своей красотой, в то время как жертвы блекнут в их тени. Нейтронная звезда поглощала сестру, но картина восхищала, словно жидкое золото перетекало из небесного светила в темную, как воды Коцита, бездну.

Он стоял на краю долины, где простился с безликим спутником, один. Вокруг царила тишина, не было слышно пения птиц, лишь журчанье воды неподалеку, да шелест листвы нарушали спокойствие этого молчаливого места. В горле пересохло, он почувствовал жажду. Пройдя сотню шагов, он вышел к берегу ручья, воды которого искрились в лучах заката. В реке, а ручей оказался настоящей горной рекой, плескался лосось. Поток брал начало у склонов скалистого горного массива на краю долины, с которого водопадами стекала вода. Издалека казалось, что скала плачет. Что-то смутило его, показалось неправильным. Вода стекала куда медленней, чем должна была, иногда, словно зависая в воздухе.

– Гравитация.

Он заметил, что уже не один, его безликий спутник выступил из-за тени деревьев:

– Думаю, ты заметил еще в прошлый раз, когда преследовал меня, насколько легко тебе бежалось.

Ден утвердительно кивнул.

– Этот мир меньше твоего, а ядро планеты не из железа и прочих тяжелых элементов.

– Это не объясняет, почему вода парит в воздухе.

– Посмотри на нейтронную звезду. Как ты думаешь, какая от нее исходит гравитация? Здешнее солнце больше твоего, землянин, и планета ближе к нему и еще ближе к нейтронной звезде. Она поглощает часть излучения, испускаемого солнцем, но при этом защищает жизнь на планете.

– Зачем я здесь, не для уроков же астрофизики?

– Ты здесь потому, что срок твой близок и скоро ты присоединишься ко мне. Но прежде нам нужно многое поведать друг другу.

– В прошлый раз ты сказал мне, что я еще не готов.

– Ты никогда не будешь готов. Таков человек, он всегда живет так, словно будет жить вечно. Но сейчас ты подступил к самому краю, время наше на исходе...

Он услышал крик, за криком пришла боль. Он больше не наслаждался чистым горным воздухом, а лежал на кровати посреди палаты, рядом сутились, спешили люди. Голос, который показался ему знакомым, прокричал что-то про обезболивающее, но боль не отступала.

– Посмотри на меня.

Стены палаты начали расступаться, он снова был в долине у водопадов. Безликий невозмутимо продолжил:

– Сосредоточься, думай о воспоминаниях.

– Чего ради мне это делать?

– Пока ты здесь, боль отступает. Ты хочешь узнать, что это за место и зачем ты здесь?

– Да.

– В таком случае тебе лучше начать.

Они смотрели друг другу в глаза. Очертания лица незнакомца были размыты, но глаза... Ден словно тонул в их мягком сиянии. В голове вертелась тысяча вопросов, но... будь что

будет, он решил довериться ему. И погрузился в воспоминания, думая о том, как впервые взял в руки гитару.

И вот ему снова тринадцать. Он только-только научился играть на гитаре и пока все еще неопытен и допускает ошибки в моменты волнения. Но сейчас он стоит перед половиной школы, все ожидают его и его друзей. Он никому не рассказывал о том, что собирается исполнить. Hotel California песня сложная для тринадцатилетнего парнишки, но он решился ее сыграть. Встречается взглядом с Артуром и кивает Эмилю, он сегодня на ударных. Они играют аккомпанемент, и смешки с задних рядов потихоньку смолкают. Нил заканчивает соло, и он начинает петь. Поет негромко, сосредоточенно выговаривая каждое слово, не фальшивит. Друзья присоединяются к нему. Слегка фальшивит от волнения Артур, но, кажется, этого никто не замечает. Он продолжает петь, и в нем просыпается воодушевление, которое постепенно сменяется эйфорией. В тринадцать лет пьян от своей музыки, он уже не просто играет на гитаре, он играет для зрителей, большинство из которых еще не слышали бессмертное творение Eagles, уже слегка утратившее былую популярность к их рождению.

Плавное его воспоминания перетекают на то, как они проводили время, играя после школы. Тогда дружба была понятием абсолютным и потребностью большей, чем еда. Он скучал по этому времени. К его удивлению, в памяти стали всплывать, казалось бы, давно забытые детали: будь то родинка на щеке девушки, что любила слушать, как они играют в каморке, или драка с одноклассником до первой крови, к счастью, не его, преследовавшее его затем жгучее раскаяние. Он проживал день за днем, вот ему четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, светлые воспоминания сменялись плохими, те почему-то проявлялись ярче и четче и были более живыми. Когда они заполнили его мысли целиком, он осознал, что смотрит в насмешливые глаза Безликого.

– У тебя нет воспоминаний из более раннего возраста?

Ден поймал на себе пару насмешливых глаз.

– Думаю, настал мой черед задавать вопросы.

– Справедливо, можешь задать два, – ответил его собеседник после короткой паузы.

– Расскажи мне, где я, и что это за мир? Проснувшись, я подумал, что это сон, но мышцы ног после той погони ныли несколько суток.

– Это не сон.

– Как называется этот мир? Это не Земля?

– Мир этот называется Чандра.

– Как я здесь оказался?

– Это третий вопрос. Сосредоточься на следующем воспоминании.

Ден не стал спорить и продолжил путешествие по аллее воспоминаний. Объятия мамы, блинчики на выходных по утрам, первая книга, которую получил в подарок на девять лет, детский детектив, который открыл ему удивительный мир литературы, и то, как папа впервые принес ему книгу о Гарри Поттере. Он лежал на кровати в их небольшой, но уютной спальне и ждал, когда папа придет домой и принесет сюрприз. Он хотел получить одну-единственную книгу и совсем не обрадовался, увидев обложку, на которой был изображен шуплого вида мальчик в очках с черными волосами. Ему хватило девяти страниц, чтобы недовольство сменилось живым интересом, совсем скоро уступившим место восторгу.

Он потерял счет времени в упоении от нахлынувших воспоминаний, но Безликий снова вывел его из спасительного забвения.

– На сегодня достаточно, тебе нужно отдохнуть, побереги силы.

– На что?

– Оставь вопросы до следующей нашей встречи, ступай.

Ден посмотрел на солнца, жутковатые в своей красоте, на краешек луны, только выглянувшей из-за горизонта, и, моргнув, погрузился в глубокий сон без сновидений.

Разбудила его старая подруга, к которой он успел привыкнуть, но не успел соскучиться.
– Здравствуй, боль.

Следом он почувствовал приятный сердцу запах, открыл глаза.

– Элина, родная, я люблю тебя.

Ден сел в постели, она присела рядом с ним и мягко прижалась к нему всем телом.

– Прости, но боюсь, что я пока не в форме.

– Ничего страшного, милый, вокруг полно мужчин. Без внимания не останусь.

Несмотря на слабость, Ден не мог не рассмеяться, чувство юмора Элины было за гранью. В голове всплыли подробности вчерашней ночи, руки отчаянно захотели пробежаться по струнам, но голова была тяжелая, руки путались в окутавших его проводах и трубках.

– Элина, ты не могла бы принести мне гитару?

– Ден, здесь нет гитары.

– Ты ведь найдешь ее для меня? Ту, на которой я играл для тебя, помнишь?

– Помню, милый, конечно же, я помню.

– Ты помнишь наше первое выступление в школе? Оно снилось мне ночью.

– Помню, вы играли Hotel California. Мне было десять или, может, одиннадцать, и я случайно оказалась в зале, но мне понравилось, придя домой, я весь вечер слушала ее, пока не пришла мама и не велела мне садиться за уроки.

– Я хотел бы сыграть тебе снова.

– Ден, милый, ты сыграешь, обещаю. Я узнаю у Фредерика, может, у ребят есть гитара.

– Элина, можешь попросить его увеличить дозировку обезболивающего? И попроси его ко мне зайти, пожалуйста, мне хотелось бы с ним поговорить.

– Хорошо, я скоро вернусь.

После того как она вышла, Ден погрузился в тяжелые размышления. Несмотря на все прошлые заверения Эмиля и настоящие Фредерика, он не был уверен в успехе их кампании. Шансы на положительный результат, казалось, таяли на глазах. Он любил жизнь и не хотел умирать, у него осталось слишком много незавершенных дел. Он давно не видел родителей.

Ден вспомнил, как впервые узнал о том, что жить ему осталось не тридцать и не сорок лет, как его друзьям, знакомым и просто прохожим, а всего-навсего два или три. Ему сообщили об этом после второго его инфаркта. Он просидел взаперти один почти месяц вне себя от ярости. Потом смирился и решил продолжать жить так, как жил прежде, не думая о завтрашнем дне. А потом он встретил ее, Элину. И жизнь заиграла новыми красками, он снова почувствовал ярость от осознания того, что не сможет разделить с ней прекрасные мгновения. Картинки проносились перед глазами, и он видел, как Элина выходит замуж, у нее появляются дети, вырастают и покидают дом, чтобы затем снова вернуться, но уже со своими детьми. И на всех этих картинах был мужчина с чужим лицом, не он, не Ден. Он зарыдал в иступлении, но боль снова заставила его забыть обо всем на свете. Боль была его подругой и спасительницей от горьких мыслей и переживаний. Он держался так долго, как только мог, но не выдержал и снова потерял сознание, погрузившись в забытие.

В это же время в деревенском кафе неподалеку, на берегу Иветт Фредерик орал на Эмиля благим матом. Суть его претензий заключалась в том, что вот уже больше недели, как сердце Дена отказало полностью, и он должен был констатировать его смерть, но Эмиль настаивал на дальнейших попытках.

– Ему не помогают даже самые тяжелые обезболивающие, Эмиль. Зачем, зачем ему эти мучения? Смирись с тем, что мы не смогли ему помочь.

– Фредерик, дай мне еще неделю.

– Что тебе даст эта неделя? Наш метод не работает.

– Прошу тебя, Фредерик, всего одну неделю, если он не выкарабкается...

– То что? Что тогда? В тебе говорит надежда, родительница и покровительница игроков и незадачливых самоубийц. Я продержу его столько, сколько смогу, но он уже одной ногой в коме, а оттуда пути назад не будет.

– Благодарю тебя, мой друг, о большем я и не прошу.

– Оставь благодарность себе, ты просишь меня о том, чтобы я на неделю продлил пытки твоего друга, Эмиль. Не ожидал от тебя...

– Прощай, дружище.

Был уже поздний вечер, но Фредерик решил заглянуть к Дену. Войдя в палату, он поймал на себе вопросительный взгляд Элины. Он подошел к ней поближе и шепотом, хоть в этом и не было никакой нужды, произнес:

– Он просил увеличить дозировку обезболивающего, мы обсудили с коллегами и рассудили, что это допустимо.

– Ему это не повредит?

Фредерик подавил вздох, нужно было ответить ей, что у Дена от такой дозировки может отказать не только сердце, но и печень, и почки, но ему все равно осталось не больше недели. Но лишь прошептал:

– Нет, Элина, это ему уже не повредит.

Она молча кивнула, кажется, все поняв.

– Тебе нужно отдохнуть, поспи, он не проснется до утра.

– Да.

Слабый безжизненный шепот раздался в ответ, лишь побелевшие костяшки пальцев, сжимающие гитару, выдали ее состояние. Фредерик вышел, не прощаясь.

Ден тем временем снова блуждал по улочкам памяти в ожидании ответов от таинственного незнакомца. Он уже добрался до воспоминаний о времени, проведенном в университете, и плавно двигался к выпускному. Незнамец словно погружал его в транс, воспоминания текли полноводной рекой, и ему требовалось лишь держаться течения и не дать водам захлестнуть его с головой.

Он едет с друзьями на местную базу отдыха, поет и играет у пылающего костра, картинка меняется: он в библиотеке, готовится к написанию заключительной главы работы, сменилась череда картин – и он на выпускном вечере.

Ден проснулся с легкой грустью. Рядом в кресле дремала Элина, она заснула, так и не выпустив из рук гитары. Странно, но сегодня он почти не чувствовал боли, должно быть, он шел на поправку. Попробовал подняться, и оказалось, что он с трудом, но может стоять и передвигаться самостоятельно. Тихо, чтобы не разбудить Элину, отцепил провода с датчиками, вынул трубку и глубоко вдохнул. Затем прошел в ванную, почистил зубы и принял обжигающе горячий душ.

Душ придал ему силы. Он взял в руки гитару, когда он начал петь, Элина проснулась, не веря своим глазам, она смотрела на то, как он играет песни их юности. Когда Ден закончил, она бросилась ему в объятия. Он целовал ее словно в первый раз, трепетно, боясь сделать ей больно, покрыл поцелуями шею, долго, мучительно нежно для Элины ласкал грудь, спускаясь все ниже и ниже. Это был самый долгий и нежный поцелуй в его жизни, он словно пытался сполна насладиться ее вкусом, запомнить его. Элина потеряла счет времени, он любил ее так долго, как только мог, но силы его были на исходе, и Элина пришла ему на помощь, в который раз он подумал, что из нее вышла бы великая наездница.

– Я близок, может, пора остановиться?

Но Элина лишь ускорила темп, Ден закрыл глаза и решил, будь что будет. После они долго лежали и обнимались, улыбаясь без слов.

Ден задремал, а когда проснулся, вернулась и боль, в комнате было невыносимо душно.

– Любимая, можешь, пожалуйста, приоткрыть окно?

– Конечно, любимый.

Элина открыла окно и взглянула на расстилающийся вокруг пейзаж. Пришла весна, и вокруг все расцвело. На реке появились первые гребцы. Впервые за долгое время она снова была счастлива.

– Ден, милый, может, возьмем напрокат лодку, исследуем реку, найдем пару укромных мест, где нам никто не помешает?

Ответа не последовало.

– Ден?

Она обернулась посмотреть, почему он не отвечает, Ден лежал неподвижно, глаза его были закрыты. Элина поспешно бросилась к нему на кровать и прислушалась. Он не дышал. Ударив по кнопке экстренного вызова, она в панике принялась, как умела, делать искусственное дыхание и массаж сердца.

* * *

Артур взвалил на плечо здоровенный брус и направился в сторону вновь затеянной стройки. На праздники выдалась замечательная погода, и он решил, что глупо проводить время в четырех стенах, хотелось занять руки, смастерить или построить что-то самому. Накануне он, не теряя времени, начертил план домика, заказал материалы и теперь был готов к осуществлению плана. Место для строительства Артур выбрал на самой границе участка, между забором и соснами. Вырыв четыре небольшие ямки, он засыпал их щебнем, тщательно утрамбовал, затем размешал раствор и залил им щебень, дождавшись, когда он чуть подсохнет, разместил на импровизированном фундаменте каменные блоки.

Теперь, пока схватывался раствор, необходимо было подготовить брусья. Вечером он их обработал антисептиком, оставалось распилить их согласно планируемым размерам, еще минута – и во все стороны полетела мелкая деревянная стружка, в воздухе повис приятный запах свежей хвои. Работал Артур ручным инструментом, предпочитая чувствовать сопротивление, борьбу дерева.

Он уже заканчивал, когда Лили и Диана вышли на воздух, посмотреть, чем это занимается папа и позагорать, день выдался солнечным и по-настоящему жарким. Лили и Диана были одеты в одинаковые полосатые купальники, Лили была похожа в нем на маленького морячка. Стоило ей выйти на улицу, как она погналась за Ватсоном. Диана, подойдя к мужу, принялась массировать ему плечи, прижимаясь упругой грудью. Артур сосредоточенно пилил, игнорируя ее, понимая, что Диана так просто не отступит, и ожидая продолжение. Он мягко высвободился из ее объятий, поцеловал и с усмешкой взвалил на плечи последний из оставшихся брусьев.

Для начала необходимо было скрепить основание каркаса. Он взял старый шуруповерт, верой и правдой служивший ему уже добрую дюжину лет, усиленные уголки и небольшое ведерко с саморезами. Устанавливая вертикальные несущие столбы, он бросил взгляд на своих девочек. Лили бегала по газону, играя в догонялки с их маленьким еще котенком, Диана поливала почву под цветущими кустарниками и растениями, периодически направляя дождеватель в сторону Лили и их кота Ватсона, Лили восторженно визжала, в последнюю секунду отбегая от струи прохладной воды.

Закрепив два последних бруса, на которые позже лягут стропила, он решил сделать перерыв.

Диана вздрогнула, когда мозолистая ладонь легла на ее бедро. Он приобнял ее и прикусил мочку уха. Убедившись, что Лили занята игрой в щекоталки с Ватсоном, Артур поцеловал Диану и хотел было увлечь в сторону дома, но она вывернулась и побежала к дочке, бросив озорной взгляд.

Артур вернулся к работе, нужно было связать брусья. Он использовал остатки досок, чтобы скрепить брусья крест-накрест, а затем вырезал в стропилах треугольные выемки. Стропила легли как надо, довольным взглядом осмотрев сооружение, он направился за черепицей.

Раздалась легкая вибрация в дужке очков, микрофон сообщил ему, что поступил вызов от Дена. «Объявился наконец, месяц не мог найти время поговорить. Пару минут точно потерпишь», – рассудил он и завершил вызов. Взял листы черепицы, ножницы по металлу, рулетку и направился в сторону домика. Ден перезвонил, когда он заканчивал замеры, на этот раз Артур ответил.

– Привет, дружище! Как ты?

Первое, что бросилось в глаза, Ден поседел. Второе, он находился в довольно странном, словно выбеленном месте.

– Приветствую, старина! Слушай, интересная картинка у тебя на фоне. Где ты находишься или ты так заретушировал?

– Технически я в Париже, и нет, это не ретушь. Артур, не буду ходить вокруг да около. Ты, наверное, удивлялся, почему я не отвечаю на твои звонки, так вот, прости, я просто не мог. Мы проводили с Эмилем, точнее не так, провели надо мной некоторые эксперименты, и в результате... Артур, ты не поверишь, но с тобой сейчас говорит цифровой я... Но об этом позже, есть просьба, мы всегда были добрыми друзьями, и я хотел бы попросить тебя о помощи. Но для начала открой, пожалуйста, дверь Эмилю.

– Эмиль здесь? Почему, что вообще происходит?

– Дружище, мы сейчас все тебе объясним.

– Ок, пойду встречу его, перезвони мне через минуту.

Артур направился в сторону дома. Диана подвязывала цветущие кусты роз.

– Любимая, ты не могла бы что-нибудь на себя набросить? У нас гости.

– Да, и кто же?

– Эмиль.

– Я думала, он в Париже, почему он здесь?

– Я пока не знаю, с Деном творится что-то неладное, он бы не приехал так внезапно без веской причины.

– Хорошо, мы с Лили пока пойдем домой, приготовлю чай. Тревожно это все как-то. Ты встретишь его?

– Да, встречу.

Артур подходил к воротам со смешанными чувствами. Часть его была рада приезду Эмиля, но он не понимал, чем вызван столь неожиданный визит. Набравшись смелости, он отворил калитку. Чуть в стороне, возле молоденькой сосны стоял Эмиль с рюкзаком за спиной и небольшим сундучком под ногами.

Повисло неловкое молчание. Артур решился прервать его первым, нерешительно подойдя к Эмилю, он схватил его за руку.

– Ну здравствуй, дружище.

Артур помнил рукопожатие Эмиля крепким, сейчас оно было каким угодно, но только не крепким.

– Артур, рад тебя видеть. Жаль, что при таких обстоятельствах.

– Каких таких обстоятельствах? Эмиль, что происходит? Мне звонил Ден, наваял какую-то тайну. Так, что это я держу тебя за порогом. Проходи, выпьем чаю или чего покрепче, помочь тебе с сундучком?

– Нет, он легкий.

Они прошли внутрь, и Артур закрыл за ними ворота.

– Можешь оставить сундучок у входа, здесь его не тронут.

– С твоего позволения, я возьму его с собой, – твердо возразил Эмиль.

– Как скажешь, проходи. Диана, у нас гости.

Эмиль вошел в дом и огляделся по сторонам. Он дружески обнял Диану, вежливо отметил, что за то время, что они не виделись, она похорошела еще больше. Затем с любопытством, но не слишком внимательно огляделся по сторонам.

– Знаешь, дружище, я ведь еще не бывал в твоём новом доме.

– Не бывал, и еще ты давно не видел мою дочь. Лили, принцесса, иди к нам, приехал дядя Эмиль.

Лили выглянула из гостиной. Она пристально посмотрела на него и спросила с детской непосредственностью:

– Папа, а это кто?

– Это дядя Эмиль, принцесса, он наш старый добрый друг. Помнишь свою маленькую теннисную ракетку?

– Помню.

– А помнишь, кто тебе ее подарил?

Лили покачала было головой, но вдруг просияла и бросилась к Эмилю с криком «дядя Эми».

Эмиль, не ожидавший столь бурной реакции, поймал ее, выронив при этом из рук сундучок.

Он закрутил ее, как когда-то давно в детстве, а когда отпустил на пол, все взгляды устремились на сундучок, раскрывшийся от падения, точнее на его содержимое.

Эмиль, сглотнув комок, застрявший в горле, показал на урну и произнес:

– Я привез домой Дена...

Тишина, повисшая в комнате, казалась осязаемой. Она накрыла их ледяным саваном. Артур и Диана растерянно смотрели друг на друга, не зная, что сказать, бросая взгляды на выкатившуюся из сундучка урну с прахом.

– Да, привез нашего друга Дена... Мне нужна будет помощь с похоронами, – сказал он бесцветным голосом.

Первой тишину нарушила Лили. Она снова прыгнула в руки Эмиля, не понимая, почему все вдруг замолчали. Посмотрела ему в лицо и вдруг, словно все поняв, вырвалась и испуганная убежала в свою комнату. Диана всхлипнула, раз два, затем, не сумев сдержать слезы, заплакала навзрыд. Артур собрался силами, стараясь сохранять спокойствие, произнес:

– Диана, любимая, присмотри за Лили, мне кажется, она испугалась. Эмиль... пройдем в гостиную.

Эмиль уложил урну обратно в сундучок, и они прошли в уютную комнату с высокими окнами и камином, отделанным деревом. Над камином висела картина с изображением пейзажей Версаля. Картину эту нарисовали Диана и Лили, она была для Артура дороже всех остальных картин в доме, вместе взятых. По сторонам от камина возвышался стеллаж с книгами, стройные ряды доходили до самого потолка.

Артур жестом предложил Эмилю занять кресло у камина. Огонь в нем уже погас, но от углей по-прежнему шло тепло. Эмиль только сейчас осознал, что его била дрожь. Артур потянулся было к шкафчику для вина, но затем передумал и вернулся в комнату с тремя бокалами и бутылкой «Джонни Уокера».

Он плеснул по щедрой порции во все три. Один передал Эмилю, второй поставил на столике у урны, третий оставил себе. Посмотрел на бокал, одиноко стоявший на столике, и жгучие слезы выступили на глазах. Он произнес:

– За Дена!

– За Дена.

Они осушили бокалы.

– Сердце?

– Сердце.

– Знаешь, Эмиль, Ден позвонил мне буквально за несколько минут до твоего появления и сообщил, что ты стоишь у нас на пороге, и, клянусь тебе, он выглядел живым, настоящим, не так, как выглядят боты или записанные для близких воспоминания. Что это значит?

– Сейчас расскажу, Артур, – ответил Эмиль хриплым голосом. – Точнее, расскажем. Тебе звонил не бот в облики Дена, и это было не воспоминание. Артур, ты удивишься, но мы живем в удивительное время, время торжества науки и технологий. – Он устремил взгляд в пространство: – Ден, я с Артуром, я думаю, мы вместе должны поведать ему о случившемся. Артур, активируй, пожалуйста, режим дополненной реальности. И чтобы избежать необходимости хакнуть твои очки, предоставь доступ Дену.

Возможно, дело было в виски, но слезы высохли также резко, как и появились. Заинтригованный, Артур решил попридержать вопросы и сделал, что было велено. После того как он активировал режим дополненной реальности, поступил запрос на доступ с адреса den_bel. Он не встречал его с самой школьной скамьи, когда только появились первые электронные почты, и его друг, недолго думая, выбрал себе этот нехитрый логин.

Часть комнаты потемнела, открылся коридор, ведущий в знакомое светлое, словно выбеленное место. В конце коридора стремительно нарисовалась фигура рано поседевшего молодого человека, лицо которого хранило печать лишений.

Виртуальный Ден подошел к столику с собственным прахом.

– Так вот что остается от человека после смерти. Горстка пепла и чуть больше воспоминаний, – голос его доносился, казалось, отовсюду.

На лбу выступила испарина. Артур снял очки и протер их платком. Надев обратно, он встал и подошел вплотную к Дену. Он понял, что источником звука были колонки, смонтированные в стены много лет назад, дужки очков, даже крохотный микрофон, вшитый в качестве эксперимента прямо в ушную раковину.

– Просто немыслимо, какая потрясающая иллюзия...

– Я не иллюзия, Артур, дружище.

Эмиль мягко прервал Дена.

– Ден, позволь мне все объяснить.

– Эмиль, что это?

– Ты помнишь, чем я занимаюсь, Артур, точнее, занимался?

– Помню, Ден говорил, что твоя область – это цифровизация сознания...

– Да, но не только. В последнее время я все больше занимался тем, что записывал на цифровые носители копии людей, жаждущих не оставить наследства наследникам. Я синхронизировал их сознание с облачными процессорами с тем, чтобы они не погибли, когда их тело перестанет подавать признаки жизни. Наш друг не был престарелым миллионером, но тело может подвести и в тридцать лет. Ты знал, что у него было больное сердце?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.